

Пытки и жестокое обращение в Исправительной колонии №1 г. Новополоцк:

**«Его лично начальник колонии избивал,
причем избивал до такой степени, что у парня
открылось кровотечение из прямой кишки»**

Общественное расследование

Оглавление

Резюме	3
Общая информация об ИК-1	5
Структура колонии	8
Поборы с заключенных и вычеты на содержание	10
Этап, встреча в колонии, карантин	12
Быт в колонии	17
Корреспонденция, посылки, отоварка, свидания, звонки, адвокаты	21
Труд в ИК-1	24
Неформальная тюремная иерархия	30
«Низкий социальный статус» — дополнительный рычаг давления на заключенных	34
Политические заключенные: желтые бирки, 6-дневная рабочая неделя и особый режим содержания	39
Виктор Бабарико: полная изоляция и «угольный ад»	43
Анджей Почобут. «Его всячески там ломали, но он стойкий и непреклонный»	51
Игорь Лосик: голос свободы, который хотят уничтожить	54
Провокации и «стукачество»	57
Физическое и психологическое насилие над заключенными	58
«Нарушения» и наказания	61
ШИЗО и ПКТ	63
Медицинское обслуживание: «Пока можешь передвигать ноги — никакой помощи не получишь»	69
Смерти в колонии	74
Сотрудники колонии	76
Начальник колонии и его заместители	77
Машадиев Руслан Хикметович	78
Пальчик Андрей Сергеевич	80
Оперативники	86
ДПНК	88
«Отрядники»	91
Иные сотрудники колонии	94
Выводы	98

Сокращения в документе

ИК-1	—	Исправительная колония №1.
ДИН	—	Департамент исправления наказаний Министерства внутренних дел.
ДПНК	—	дежурный помощник начальника колонии.
УДО	—	условно-досрочное освобождение.
УК	—	Уголовный кодекс Республики Беларусь.
ПВР	—	Правила внутреннего распорядка.
ШИЗО	—	штрафной изолятор.
ПКТ	—	помещение камерного типа.
НСС	—	«низкий социальный статус».
СОБИД	—	секция отдыха и досуга в колонии.
ТЭЦ	—	теплоэлектроцентраль.

Резюме

Целью данного исследования является обзор ситуации с заключенными в исправительном учреждении «Исправительная колония №1» управления Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел по Витебской области. Авторами документа были изучены 13 интервью (892 страницы текста) с бывшими осужденными, отбывавшими наказание в ИК-1 в период с февраля 2021 года по январь 2025 года. Средний срок отбытого ими наказания составляет 8,3 месяца, а суммарная продолжительность срока пребывания — 149,5 месяцев.

Опрошенные экспертами Международного комитета по расследованию пыток в Беларуси бывшие заключенные описывают подробности их пребывания в самой суровой по отношению к заключенным колонии усиленного режима, в которой содержатся как осужденные за серьезные уголовные преступления, так и политические заключенные — люди, осужденные по политическим мотивам. Именно для такой категории заключенных в этой колонии сотрудниками администрации созданы самые жестокие условия содержания. Ноу-хау пенитенциарной системы Беларуси в настоящее время является тотальный контроль, бесчеловечное отношение и полная информационная блокада личных врагов лица, занимающего пост президента, удерживаемых в ИК-1: Виктора Бабарико, Анджее Почобута, Игоря Лосика^[1] и других.

В колонии до настоящего времени самой администрацией поддерживается и используется в своих целях неформальная тюремная иерархия, постыдным и унижительным проявлением которой является кастовая система разделения заключенных (см. разделы Неформальная тюремная иерархия, «Низкий социальный статус»).

В документе описывают разные этапы нахождения в колонии, начиная с карантина, пребывания в отрядах и условия труда заключенных. Отдельное внимание уделено мерам взыскания к заключенным, физическому и психологическому насилию со стороны сотрудников.

^[1] Во время подготовки материала политзаключенного Игоря Лосика вывезли за пределы Беларуси в составе группы других политзаключенных, которых Александр Лукашенко фактически выменял у американского правительства на смягчение наложенных на Беларусь санкций. Данный вид «освобождения» является насильственной депортацией.

Документ описывает действия как бывшего начальника колонии Андрея Пальчика, так и нынешнего Руслана Машадиева.^[2] Созданный руководством колонии режим управления и бездушное отношение к заключенным приводит к потере здоровья, психологическим срывам, депрессии и даже смертям, в том числе суицидам. Как рассказывают бывшие заключенные, медицинское обслуживание находится на самом низком уровне, хронические заболевания не лечатся, в случаях с острыми болями заключенные вынуждены довольствоваться минимумом лекарств, выдаваемых медиками с большой неохотой.

Описания сотрудников колонии содержат факты об откровенных издевательствах над заключенными, нарушении норм и правил обращения с ними (см. разделы Провокации и стукачество, Сотрудники колонии). Авторы документа считают необходимым отметить, что в нескольких интервью они встречали ряд положительных оценок действий сотрудников, непредвзято выполняющих свою работу.

Авторы констатируют, что в Исправительной колонии №1 грубо нарушаются международные стандарты пребывания заключенных в изоляции.

Интервью с бывшими осужденными, отбывавшими наказание в Новополоцкой колонии №1, предоставлены для исследования «Международным комитетом по расследованию пыток в Беларуси» и Правозащитным центром «Весна». При опознании сотрудников колонии использовались материалы, предоставленные инициативой «Киберпартизаны». Авторы осознают свою ответственность за информацию, которую открывают общественности в данном общественном расследовании. По этой причине все персональные данные из интервью изъяты, факты о других осужденных также анонимизированы. Эксперты «Международного комитета по расследованию пыток в Беларуси» готовы предоставить компетентным органам все эти данные для независимого расследования в будущем.

^[2] Оба начальника колонии включены в санкционные списки Евросоюза за жестокое обращение с заключенными.

Общая информация об ИК-1

«Новополоцкая колония расположена в промышленной зоне. Ее там быть не должно, люди не могут там жить, потому что экология очень плохая. Даже вода там почти промышленного качества».
(Из показаний бывшего политзаключенного)

Фото 1. Новополоцкая Исправительная колония №1. Фото: «Беларусская тюрьма» / VK.
Источник: <https://news.zerkalo.io/life/101777.html>

Исправительное учреждение «Исправительная колония №1» управления Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел по Витебской области находится по адресу: 211440, Витебская обл., г. Новополоцк, ул. Техническая, д. 8. Колония рассчитана на 1500 человек. Кроме осужденных по политическим статьям там отбывают наказание люди, совершившие тяжелые преступления: разбой, умышленные убийства, нанесение тяжких телесных повреждений.

Бывшие бараки для строителей Новополоцкого нефтеперерабатывающего завода превратили в исправительно-трудовую

колонию №10. В 2014 году колонию преобразовали в лечебно-трудовой профилакторий (ЛТП №8), где принудительно лечили людей, страдающих от алкогольной зависимости, и заставляли их работать на вредных производствах. В 2017 году учреждению вернули статус исправительной колонии^[3], присвоив номер «1»^[4].

Новополоцкую колонию усиленного режима №1 называют самой грязной с экологической точки зрения. Территория колонии со всех сторон окружена нефтеперерабатывающим и химическим заводами, из-за чего воздух имеет отчетливый «химический» привкус.

«...рефракционная колонна завода “Нафтан”, по которой перегоняют нефть и испаряют фракции, находится от зоны всего в километре. Из нее идет дым, пары, которые появляются во время продувки труб для технического назначения. В некоторые дни качество воздуха было такое, что на выходе из барака резало глаза».

Фото 2. Вид на завод «Нафтан», на переднем плане — Исправительная колония №1. Новополоцк, Беларусь. 11 сентября 2021 года. Фото: Агата Квятковская, «Белсат». Источник: <https://news.zerkalo.io/life/101777.html>

^[3] <https://etalonline.by/document/?regnum=P31700223>

^[4] <https://www.svaboda.org/a/32826995.html>

В ИК-1 силами заключенных производят корпусную и садовую мебель, бетонные изделия, а также пиломатериалы и продукцию из древесины. Производство осуществляется на основе Республиканского унитарного предприятия «Единица»^[5].

Эту колонию на протяжении многих лет использовали для изоляции известных оппонентов режима Лукашенко. В настоящее время там удерживают известного политика и мецената, главу «Белгазпромбанка» Виктора Бабарико, журналиста Андрея Александрова, двоюродного брата Павла Латушко Анатолия Латушко, директора газеты «Беларусы и рынок» Константина Золотых, члена «Союза поляков Беларуси» Андрея Почобута и других известных политических заключенных.

В новополоцкой колонии в разное время содержали и других известных политзаключенных. В 2011 году здесь несколько месяцев содержался кандидат в президенты на выборах 2010 года Андрей Санников.

Под жестоким прессингом отбывал наказание в этой колонии до направления в тюрьму политзаключенный Святослав Баранович^[6] в 2018 году, также гражданские активисты Никита Лиховид и Алесь Киркевич^[7], часть наказания провел в Новополоцке политзаключенный-анархист Игорь Олиневич.

Здесь же отбывал наказание журналист Андрей Кузнечик^[8], более года провел в этой колонии блогер Александр Кабанов, автор YouTube-канала «Народный репортер» и пресс-секретарь инициативной группы Светланы Тихановской. До сентября 2022 года в новополоцкой колонии сидел Денис Урад, капитан Генштаба вооруженных сил, который получил 18 лет колонии за «измену государству».

^[5] <https://www.belarusinfo.by/rek/98843>

^[6] <https://spring96.org/ru/news/91133>

^[7] А. Киркевич написал про свою отсидку книгу «Семь месяцев в белорусской тюрьме» и в 2013 году получил литературную премию имени Франтишка Алехновича.

^[8] Андрей Кузнечик, журналист «Радио Свобода», был освобожден из заключения в Беларуси в рамках освобождения политзаключенных при участии администрации Трампа в феврале 2025 года.

Структура колонии

В жилой зоне колонии пять бараков, в которых содержатся заключенные. В первом бараке (по терминологии заключенных — «козлятня») содержатся заключенные, которые обслуживают кухню, осуществляют строительные, сантехнические работы по колонии. Бытовые условия здесь несколько лучше, чем в других бараках.

Пятый барак — это два отряда и карантин с выходами в разные стороны. Внутри здания также нет пересечений для заключенных разных отрядов. Из мест общего пользования — клуб, столовая, парикмахерская, совмещенная с душевыми, небольшой храм. Далее помещение, где хранятся матрасы и производится их дезинфекция.

В колонии есть больничный корпус и отдельно стоящий техникум, в котором обучаются заключенные. Отдельное здание — помещение для свиданий.

Промзона состоит из двух больших цехов и зоны для производства угля. Отдельно стоит пилорама, которая официально закрыта: она работает, но на время проверок в колонии её закрывают. Далее находятся две сушилки для досок и здание внутренней ТЭЦ колонии.

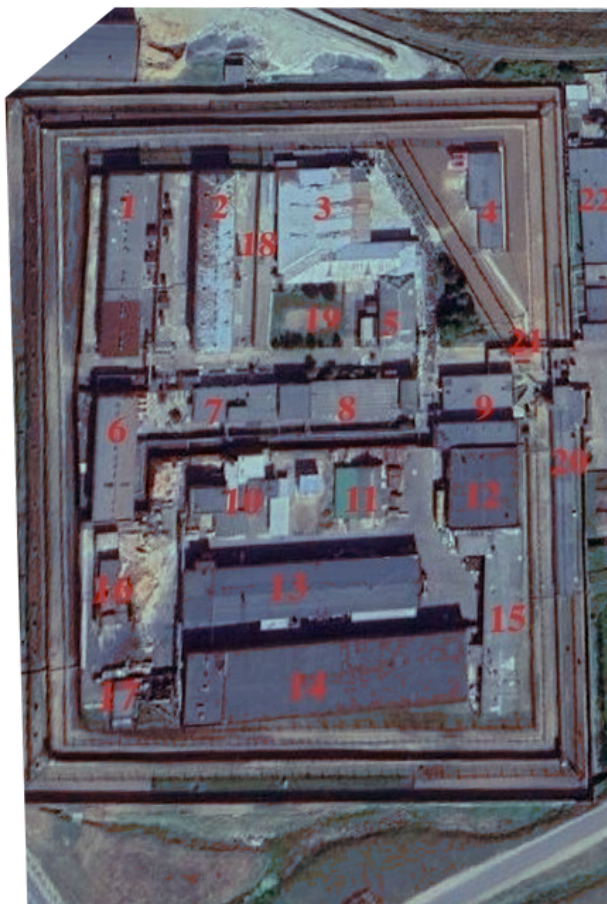

Фото 3. Исправительное учреждение ИК-1. Гугл-карты (с пометками бывшего заключенного).

1 — барак номер 1, наполовину незаселенный, признан аварийным. 2 — барак номер 2 полностью заселен. На месте второго барака, как и возле первого, находятся курилки (серые пятна на снимках). Также там можно увидеть форму локального участка между первым и вторым бараком. Это общая территория, куда несколько отрядов имеют выход. Возле второго барака справа видна линия, которая отделяет внутренний дворик, — это дворик 5-го и 6-го отряда.

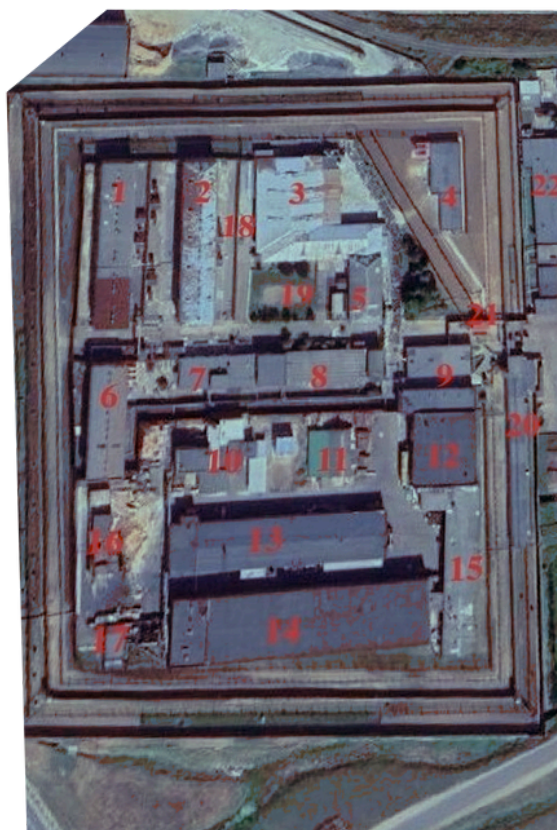

Фото 3. Исправительное учреждение ИК-1. Гугл-карты (с пометками бывшего заключенного).

3 — столовая. Участок возле цифры 3 в том же здании — клуб.

4 — помещение ШИЗО и ПКТ. Самая холодная камера находится в так называемом «сапоге» (верхний правый угол, с двух сторон стены). Судя по описанию, она существенно холоднее всей остальной зоны.

5 — корпус с отрядом (слева), корпус карантина (справа).

6 — барак на 1-й и 2-й отряд, так называемая «козлятня». Между цифрами 6 и 7 — их локальный участок.

7 — выдача передач. На линии домов 7–8 находятся парикмахерская, души, замена матрасов, в одном из помещений осуществляются звонки.

8 — больничный комплекс. Справа поликлиника (зеленый прямоугольник). При новом руководстве все деревья в районах 19 и 8 спилены.

9 — техникум.

Серый прямоугольник между 9 и 12 — штаб.

Граница, отделяющая жилую зону от промзоны, идет по линии 6, 7, 8, 9 и выше, а 10, 11, 12 и ниже — это промзона, они отделены физически.

10 — ТЭЦ. В середине — сушиллка и хранилище досок. Между 10 и 11 — новая сушиллка для досок.

11 — роспуск досок (бревна распускаются на доски). Если не ошибаюсь, именно там однажды повесился заключенный. Из разговора заключенных могу сказать, что суицидов в колонии — стабильно один-два в год.

12 — цех, в котором ремонтируют автомобили, в основном свои. Самый правый — воентара. Затем цех деревообработки со станками, там колотят поддоны.

13 — промышленный цех. В этом здании под цифрой 10 из проволоки делают корды. Между цифрой 13 и 14 (длинный белый прямоугольник) — еще одно помещение техникама.

14 — переработка. Вдоль торца 14-го барака справа — швейный участок, затем переработка отходов: моют пакеты, отдирают, перерабатывают, затем измельчают. Там стоят аппараты, которые производят пакеты. Дальше перебирают бубки, отходы полимера, которые разделяют на белое и черное, чтобы делать разные пакеты и пленку.

15 — промышленная зона, где стирают рабочую форму эков. Участок под 12-м — мыловарка. Хлебопекарня находится в самом низу, там долгое время работал Бабарико, там же находится производство плитки.

16 — аварийная лесопилка, которая продолжает работать.

17 — водозабор. Между 17 и 14 жгут уголь.

18 — спортгородок, уличный тренажерный зал. Политических туда не пускают.

19 — спортплощадка для футбола. Политических туда тоже не пускают.

20 — помещение для свиданий, длинный коридор с комнатами.

21 — шлюз при въезде в колонию. Там досматриваются машины и все остальное.

22 — помещение, где не могут находиться эки. Там работают цензоры, находятся кабинеты офицеров.

Поборы с заключенных и вычеты на содержание

В Беларуси расходы на содержание заключенных в колониях покрываются за счет государственного бюджета. Это означает, что финансирование деятельности пенитенциарной системы, включая питание, одежду, медицинское обслуживание и прочие нужды заключенных, осуществляется из средств государства.

Несмотря на это, практика поборов с заключенных распространена во всех исправительных учреждениях ДИН под видом добровольных пожертвований (так называемого «меценатства»). В каждом учреждении есть свои нюансы, но в основном деньги осужденных идут по следующим направлениям.

С их личных счетов высчитывают деньги за содержание, питание, коммунальные услуги и прочие расходы.

«...у пенсионеров практически все высчитывают за содержание: за электричество, отопление».
«В лагере тебе выдают робу, ботинки, трусы, носки. Приносят расчетный лист, что ты за это все должен заплатить. Это 400–500 рублей зачастую. Если ты за это не заплатишь, не попадаешь ни под УДО, ни под замену, ни под что».

Также в ИК-1 активно практикуется покупка «должностей» и привилегий.

«...это, конечно, не для политзаключенных. Ты мог лежать там, например, за 200 рублей в месяц в санчасти и ничего не делать. Ты покупаешь себе своего рода освобождение от работы».

Красивый фасад колонии обеспечивается также за счет финансирования заключенными. Деньги идут на ремонты административных зданий, установку стеклопакетов, обновление мебели и техники.

«Если хочешь, чтобы отношение к тебе было лояльным, то ты должен поставить пластиковые окна здесь и здесь. Человек пишет домой, звонит. Его родственники эти окна оплачивают и пишут заявление, что они оказывают материальную благотворительную помощь колонии».

«Администрация знает, кто побогаче, у кого какой-то бизнес. Они к ним приходят, в открытую говорят: “С тебя 500 долларов в этом месяце, надо перечислить на такой-то счет. Звони родственникам, перечисляй!”»

У заключенных, которые отказываются платить, возникают проблемы.

«Был один осужденный, с которого вымогали постоянно деньги. В итоге ему это надоело, и он написал заявление в прокуратуру. Заявление это с лагеря не ушло. Его вызвали на ковер, сказали: “Ты что творишь?” Он сказал: “У меня будет адвокат, я все равно добьюсь, чтобы это было озвучено”. Этого заключенного кинули в ШИЗО, а завхоза и СОБИД также закрыли в ШИЗО и сняли с должностей. Хотя они это делали по приказу непосредственно начальника. Они были возмущены, что начальник приказывает, а потом их же и “сливает”».

Этап, встреча в колонии, карантин

Этапирование.

Этапирование заключенные описывают как сложный и неприятный физически и морально процесс. Для многих политических заключенных он осложняется еще и тем, что они во время этапа постоянно находятся в наручниках. Переносить сумки с вещами, сидеть и спать в вагоне около 12 часов, ходить в туалет — все эти действия нужно было осуществлять со скованными руками. В то же время не политические заключенные проходят этап со свободными руками.

«...когда убийца идет без наручников и смеется над нами. А ты за комментарий... идешь, еле тянешь эту сумку. Потому что руки скованы наручниками».

Один из бывших заключенных рассказал, как пришлось проходить этап заключенному с ментальными проблемами.

«Он был не в себе, это было очевидно. У него начались панические атаки, он просил отстегнуть наручники. Но ему перестегнули руки назад. Таким образом у нас пресекается членовредительство: человеку просто застегнули руки за спину, и он ехал так всю дорогу. Он ехал в одиночестве, а мы ехали под завязочку набитые в купе».

Встреча в колонии.

Из поезда заключенных погрузили в автозаки и привезли в ИК-1. В актовом зале с ними провели «приветственную» беседу. По периметру помещения стояли сотрудники с дубинками.

«Разговор как с людьми низшего сорта. К политическим были вопросы. Контекст разговора [заклучался в том], что до этого “у вас был курс молодого бойца”, а сейчас “вы хлебнете по-настоящему”».

Также прямо на первой встрече заключенных начали делить на статусы.

«Сначала они спросили, кто там с “низким статусом”, чтобы самим знать. А потом стали называть их по фамилии: “Встаньте, скажите, какие там статьи”».

Заклученных постригли, им выдали одежду. После этого снова обыск, во время которого люди лишились многих необходимых вещей, одежды и продуктов.

«Все вещи позабирали. Не пропустили письма, которые я привез. Фактически не пропустили многое, что было разрешено».

Карантин.

После первой процедуры устрашения заключенных отправили на карантин. Период нахождения там все заключенные описывают как один из самых жестоких: бесконечные издевательства со стороны персонала и эков, сотрудничающих с администрацией; условия содержания, граничащие с пытками.

«В карантине было особое отношение со стороны администрации. Такое морально-психологическое давление, чтобы быстрее адаптировать заключенного к этой реальности, запугать, сломать после следственного изолятора остатки психики свободного человека».

«...когда мы заехали [в карантин], было 25 градусов мороза. Нам идти через всю зону, мы в тапочках на босую ногу, в робах, без нательного белья. Это жуткий холод. Вот так мы в первый же день прошли через пытку морозом».

Карантин — это локальная зона, отделенная от всех других забором. Фактически это барак, рассчитанный на 30–40 человек, в котором два спальных помещения, кровати в два яруса, столы. Также рядом находится санузел и душ, в который пускали только завхоза карантина и «козлов», сотрудничавших с администрацией. Отдельно стоят нары для лиц «низкого социального статуса».

Карантин выполняет две функции. Первая — это медицинская, для предотвращения распространения инфекций и определения иных заболеваний. Однако медосмотр вновь прибывших проводили очень поверхностно, никакие хронические диагнозы медиков не интересовали.

«Был какой-то формальный медицинский осмотр. Их интересуют только вещи, которые сильно заразные, либо те, от которых ты можешь прямо вот тут помереть, чтобы им бумажек не писать».

Вторая функция карантина — адаптация заключенного к условиям и правилам колонии. Проявляется это прежде всего жестким давлением на заключенных на ежедневной основе. Их заставляют проводить бесконечные уборки, они занимаются изучением ПВР, в том числе на построениях на улице независимо от погоды и времени года, смотрят пропагандистские телепередачи.

«Ежедневные уборки, иногда по несколько раз, уборки в виде наказания... Просто не дают ни одной минуты свободного времени.

После меня уже ввели правило: людей строили в две шеренги, и кто-то читал правила распорядка колонии, а все остальные слушали на улице, вне зависимости от погоды».

«...ленинская комната находится в этом же помещении. Там телевизор здоровый стоит. По ПВР прописано, что его просмотр — раз в день на карантине. Раз в день туда приводили, сажали, и мы должны были смотреть какую-нибудь бредовую передачу».

Многие бывшие заключенные отмечают, что в целях психологического давления сотрудники ограничивали заключенным сон и еду, использовали холодную погоду для создания невыносимых условий содержания.

«В карантине у нас обувь почему-то всегда хранилась на улице, несмотря ни на какие морозы.

В помещении в шлепанцах ходили, а утром выходишь, обувашь ботинки — прикиньте, -15 градусов».

«Часа по четыре в сутки давали спать. В холоде держат, еды тоже не хватает. Если человек курящий, то тебе дают всего три раза в день сходить покурить по-быстрому по пять минут».

За каждое нарушение в карантине следовало наказание хозяйственными работами.

«На карантине администрация уделяет повышенное внимание всяким бытовым мелочам и распорядку дня. Заставляют постоянно убираться, что-то стирать, мыть пол, окна, столы. Даже если чисто, все равно моешь».

Некоторых заключенных прямо с этапа могли сразу определить в штрафной изолятор. Многие рассказывают, что такие случаи были неоднократно.

«Во время карантина для политических существует такая вещь, как обязательное нарушение. Обязательное, потому что я не знаю ни одного политического, кто бы вышел с карантина без нарушения. Я просидел год в Следственном изоляторе, у меня не было ни одного нарушения. Тут к нам приходят и дают разнарядку: ты там то, ты там то — пиши объяснительную».

Политические заключенные рассказывают, что практически все они прошли через ШИЗО непосредственно из карантина, об этом также неоднократно писали независимые СМИ^[9]. Об этом после освобождения рассказывал Александр Кабанов. С большими трудностями в карантине пришлось столкнуться политзаключенному Эдуарду Пальчису, который практически не выходил из ШИЗО, ПКТ, а затем был переведен в закрытую тюрьму.

^[9] <https://euroradio.fm/ru/mnogo-smertey-i-pytki-chto-proiskhodit-v-kolonii-gde-derzhat-viktora-babariko>

«... карантин длился уже около недели, и Пальчис появился примерно через десять дней. Побыл несколько дней, и его снова забрали. Так его отпускали и забирали три или четыре раза. И я помню, он каждый раз выходил и очень сильно отличался. Мы уже начали потихоньку загорать, стоя на проверках под солнечными лучами, а Пальчис был на фоне нас белый, как стена. В общем, его так три-четыре раза выпустили и закрыли уже на ПКТ и на смену лагеря».

Причины для наказания, как правило, мелкие и незначительные. В карантине избыточно жестко заставляют соблюдать описи имущества. К примеру, в отряде не пересчитывают сигареты — и вдруг заставляют пересчитывать поштучно.

«...у меня было нарушение за то, что я стоял в какое-то там время в курилке с расстегнутой пуговицей. Но что самое интересное — я не курю, и я терпеть не могу табачный дым, поэтому я в курилке не появляюсь, даже чтобы поговорить».

«Вызывает нас “отрядник” и говорит:

— Ну так и так, надо вам по нарушению...

— А что? Какое нарушение?

— Напишем, типа у одного верхняя пуговица не была застегнута — нарушение формы одежды, и доклад не по форме. Не парьтесь, ничего вам за это не будет, выговор просто, в ШИЗО не поедете».

«Из-за того, что мы якобы плохо убрали, меня и еще нескольких человек, которые не нравились начальнику отряда карантина, потащили в помещение с клетками. Нас растянули — это когда ноги сильно шире плеч, руки выворачиваются в суставе, к стене ладошкой. При длительном стоянии это вызывает огромное неудобство. Я никогда не думал, что минут через тридцать в комнате, в которой стоит три или четыре человека на такой растяжке, будут такие звуки, будто они велосипед крутят. Это просто пыхтящий народ».

Быт в колонии

«Если, например, на улице -27 либо идет метель, то ты стабильно простоишь на проверке без движения час. Идет дождь — тоже стоишь час. Потом в этой полностью мокрой одежде, ее не выжать, ты идешь и на “промку”». (Из показаний бывшего политзаключенного)

Заклученные делятся на 10 отрядов по 80–90 человек в каждом. Отряды подразделяются на секции, комнаты, в которых заключенные проживают на двухъярусных кроватях. Стандартные комнаты рассчитаны на 8–16 человек. На каждого человека приходится менее двух квадратных метров личного пространства. Люди находятся в тесноте и им приходится просыпаться за час-полтора до подъема, чтобы в условиях крайне плотного графика успеть выполнить базовые физиологические потребности.

Камеры существенно отличаются друг от друга по уровню температуры, в связи с чем сотрудники колонии перемещают людей в более холодные камеры в качестве наказания.

«Меня положили на нару, которая находится в углу здания. А там гораздо холоднее. Там была наверху плесень — вся стена, и за головой, и за спиной. Она была уличная. Даже зимой, когда работает отопление, стена холодная. Ты лежишь и чувствуешь этот холод».

Во время проверок и построений заключенных вынуждают длительное время находиться в неподвижном положении на открытом воздухе, независимо от погодных условий, включая проливной дождь и сильные морозы.

«Опять-таки, зэк должен страдать. Утренние и вечерние проверки: час утром и час вечером все стоят, вся зона на улице, независимо от того, какая погода».

Заключенных водят в душ (так называемая «баня») один раз в неделю, длительность душевых процедур ограничена 15–20 минутами. В течение часа, выделенного на «баню», заключенным приходится не только принимать душ, но и стирать основную одежду.

Формально после трудового дня на промзоне также предусматривается мытье в душе, однако эта возможность часто блокируется: людей принуждают выполнять срочные рабочие задачи вместо гигиенических процедур. Некоторые пытаются обмыться холодной водой из-под крана в раковине с использованием мусорного ведра, однако подобные действия считаются нарушением и могут повлечь дисциплинарные взыскания.

«Время, которое отводится для душа, просто не предоставляется. Ты вынужден грязным, мокрым работать до конца рабочего дня. И таким идти в жилую зону. Многие моются холодной водой, из крана на себя льют, но мытье холодной водой — это тоже наказуемая вещь».

«У тебя есть кусок мыла, и целую неделю ты не ходишь в душ. Если в камере жара, ты постоянно потеешь. Набирали в эту мусорницу воду и из нее... В туалете раздевались, намыливались и мылись, если кто хотел».

Внутри отряда находится так называемая «ленинка» — комната, в которой регулярно проводятся мероприятия пропагандистского характера: читаются лекции и демонстрируются новостные передачи пропагандистских телеканалов. Из-за плохой вентиляции людям не хватает воздуха. Заключенные должны присутствовать, несмотря на усталость после работы, часто стоя из-за нехватки мест.

«Был обязательный просмотр новостей перед проверкой, с семи до восьми. Приходишь после промзоны, ужинаешь, идешь смотреть пропаганду. Там даже места мало, приходится стоять или искать стул, нести из своего сектора и слушать».

Всем заключенным выдается стандартный комплект **тюремной одежды**, зимние и летние наборы, которые практически не отличаются по уровню теплоизоляции. Качество выдаваемой одежды крайне низкое:

летом в ней жарко, а зимой, напротив, она не защищает от холода. Обувь жесткая и сильно натирает ноги, может стать непригодной для использования уже в первые две недели.

«Они давали, кажется, два набора еще в карантине, как положено, синий и черный, но там был очень-очень неприятный синтетический материал. Он не греет, когда холодно, а в жару в нем невозможно находиться, очень жарко, будто он плавится. Ботинки тоже давали положенные, пару, они были ужасного качества, очень твердые, натирали. Я походил в них буквально неделю-две, и в них лопнула подошва».

Смена летней одежды на зимнюю проводится строго по календарю, из-за чего заключенные нередко остаются без теплой одежды в холод. Начальник колонии Пальчик запрещал носить дополнительные рубашки, а сотрудники во время проверок следили, чтобы осужденные не надевали теплые вещи без разрешения. Использование такой одежды считалось нарушением и наказывалось.

«На Новополоцке они постоянно угрожают, что нельзя два нательных. Иначе на ШИЗО поедете. Я все равно носил на свой страх и риск. Могут проверить, а могут и нет. Я лучше буду рисковать, чем мерзнуть».

Питание в колонии

крайне скудное и несбалансированное: порции урезаны до минимума, преобладают углеводы при острой нехватке белков, витаминов и минералов. Заключенные постоянно испытывают голод, их физическое состояние напрямую зависит от посылок с продуктами от родственников. Качество пищи низкое, нередко выдаются испорченные овощи и практически несъедобные рыбные блюда, что приводит к заболеваниям желудочно-кишечного тракта. Отсутствие питьевой воды усугубляет ситуацию, люди используют для питья воду из-под крана.

«Давали все приготовленное из гнилья: картошка, овощи, которые хранились там же на зоне. То, что

хранилось плохо, гнило. Несмотря на это его кидали в котел. Попадались и очистки».

В местах проживания заключенных **регулярно проводятся обыски**, во время которых сотрудники колонии нередко действуют без объяснения причин и соблюдения порядка. Они рвут одежду, ломают бытовые предметы или забирают разрешенные принадлежности. Такие действия вызывают у заключенных ощущение полной незащищенности и бессилия перед произволом.

«Они могут забрать вещи, порвать, сломать твою ручку. Это в порядке вещей».

Корреспонденция, посылки, отоварка, свидания, звонки, адвокаты

«Член отряда кидал письмо: “Ты чего, дурак, не понимаешь, что тебе не разрешено писать другим людям?” Это очень сильное психологическое давление. Человек за решеткой и так находится в состоянии стресса. Связь с волей — это тонкая ниточка, которая подпитывает тебя, твою психику». (Из показаний бывшего политзаключенного)

На общем режиме заключенным разрешено^[10] до четырех посылок и двух бандеролей в год, на усиленном — до трех посылок и двух бандеролей. Вес одной посылки или передачи не должен превышать 50 кг, бандероли или мелкого пакета — 2 кг. На практике данное право может быть отменено в любой момент.

«Политических практически всегда за какие-то нарушения лишали или свидания, или посылки. И никому ты там ничего доказывать не будешь, потому что иначе поедешь на ШИЗО».

Право на приобретение товаров первой необходимости реализуется через систему «отоваривания» с использованием средств на лицевом счете, лимит составляет до пяти базовых величин в месяц, для «злостных нарушителей» режим снижает его до двух. Высокие цены и ограниченный ассортимент делают эти средства недостаточными. С 2021 года пополнение счета стало возможным только от близких родственников, что существенно ограничило доступ заключенных к необходимым товарам.

«С момента заключения каждому заключенному его близкие родственники могли перечислять деньги на его счет в тюрьме. Этими деньгами он мог воспользоваться, купить продукты, что-то на отоварке. До лета 2021 года эти деньги мог перевести любой, а потом все это начало закрываться, и [сделать перевод могли] только

^[10] <https://ik1mag.by/dopolnitelnaya-informaciya>

родственники. Если деньги переводил не родственник, через почту, допустим, или через ЕРИП, то эти деньги или возвращались, или в некоторых случаях, я так понимаю, пропадали».

Длительные свидания предоставляются выборочно и редко превышают сутки. Их количество за весь срок отбывания обычно ограничивается двумя-тремя случаями. Фактически право на свидания превращено в инструмент давления: срок зависит от отношения администрации к заключенному и может варьироваться от одного до трех дней. Получение разрешения осложнено, а краткосрочные свидания в ИК-1 на месяцы были приостановлены под предлогом ремонта. Краткосрочные свидания срываются под надуманными предлогами, например, заключенного помещали в ШИЗО именно в те дни, когда ожидался приезд родственников.

«В ИК-1 полгода вообще не было краткосрочных свиданий. [Сотрудники] ссылались на то, что там идет ремонт».

Заключенные могут получать письма только от ограниченного круга родственников, при этом администрация нередко отказывает во вручении даже корреспонденции от ближайшей семьи, произвольно ограничивая право на переписку.

«Переписка политическим разрешалась только с близкими родственниками, причем не просто с близкими, а с верифицированными. Родственник должен быть верифицирован и одобрен по базе данных МВД».

В период проведения референдума по изменению Конституции Республики Беларусь в 2022 году письма от не близких родственников и знакомых практически перестали поступать. Впоследствии заключенные наблюдали, как мешки с такими письмами уничтожались.

«Я видел, как несли мешки с письмами в ТЭЦ, точнее, я видел мешки, а потом пошел поговорил с ребятами, спросил, что сжигали, они сказали — письма».

Администрация колонии активно препятствует подаче жалоб на приговор и действия сотрудников, создавая административные барьеры, при этом сами заключенные нередко отказываются от обращений из страха усиления давления.

«Администрацией очень негативно воспринимается обжалование приговоров, они всеми путями препятствовали написанию жалоб. Пожаловаться прокурору нереально. Все это придет начальнику колонии, и потом физическое и психологическое давление будет в несколько раз увеличено».

Право на телефонные звонки политзаключенных строго регламентируется администрацией и предоставляется крайне ограниченно, обычно один-два раза в месяц продолжительностью до пяти минут. Неудачная попытка соединения исключает повторный звонок на длительное время, звонки на альтернативные номера не допускаются. Жалобы на ограничения рассматриваются как нарушение, использование видеосвязи также ограничено.

«Все зависело от оперативного работника. Хочет он дать звонки с барского плеча — даст. Не хочет — не даст. Причем кратковременные звонки были максимум пять минут. А если ты, например, не дозвонился, ты не реализовал свое право на звонок — и “до свидания”».

Доступ адвокатов к политическим заключенным сильно ограничен формальными препятствиями. Конфиденциальность встреч не обеспечивается, сотрудники колонии присутствуют рядом, контролируя разговор и препятствуя передаче жалоб или информации о нарушениях.

«Ко мне пришел адвокат один раз, когда я был в изоляторе. Странно, что пустили, потому что у меня не было подписано заявки. Меня вывели, но не разрешили остаться с ним один на один. Меня окружило, наверное, семь сотрудников. Они просто стояли рядом и слушали, что я говорю. Контролировали, чтобы я не сказал ничего лишнего или чтобы мне не сказали».

Труд в ИК-1

«Постоянно кому-то где-то прилетает какой-нибудь осколок от бревна либо еще что. Знаю парня, который рассказывал, как себе рассек ногу топором. Кто-то палец повредил, рубанул». (Из показаний бывшего политзаключенного)

Труд в ИК-1 носит обязательный характер. Рабочая неделя включает пять рабочих дней^[1], при этом суммарная продолжительность рабочего времени составляет около 8,5 часов в день. Рабочие смены делятся на утреннюю и дневную с 9.00 до 12.00 и с 13.00 до 17.30 часов соответственно. Такой график не учитывает физиологических потребностей заключенных и не предполагает достаточно времени для восстановления сил. Политзаключенные часто привлекаются к работам по выходным дням и государственным праздникам.

«Работы было очень много. Бывало, после целого дня на промзоне приходишь в отряд, и, так как ты политический, тебе еще надо вечером снег поносить, либо мусор повыносить, либо со стройки бут повытаскивать. То есть после работы еще работа».

«Очень тяжелая работа шесть дней в неделю. И так у всех политических. Будь то очистка кабелей либо переборка мусора. Ставили на самую тяжелую грязную работу, чтобы не было свободного времени, чтобы ни поучиться, ни пописать писем, ни почитать».

В ИК-1 заключенных привлекают к дерево- и металлообработке, переработке пластика, выпуску пленки, мыла, хлеба и угля, а также к пошиву формы для госструктур. Многие цеха характеризуются тяжелыми условиями: переработка пластика связана с токсичными испарениями, а производство угля — с постоянным воздействием угольной пыли и продуктов горения. Политзаключенных, как правило, распределяют на

^[1] По указанию начальника колонии А. Пальчика у политических заключенных была шестидневная рабочая неделя.

наиболее тяжелые и вредные участки, независимо от их квалификации или медицинских ограничений.

Одним из видов работ для политзаключенных является переборка полиэтиленовых отходов — постоянный контакт с мелкой пылью поражает кожу и дыхательные пути. При редких проверках руководство скрывает следы, пряча материалы и инструменты под предлогом секретности.

«...поднималось так много полиэтиленовой пыли, что наверху уже было мутно, будто задымлено. И, когда там находишься, это все попадает в легкие. У меня был такой опыт: я день походил, поработал и потом высморкался — будто углем, будто я в шахте был. На другой день я взял медицинскую маску, чтобы не дышать этим всем. Я походил в этой маске буквально час-два, и на уровне носа образовалось черное пятно. Было видно, насколько воздух грязный».

Другим типом таких работ является деревообработка. Осужденные вручную перемещают тяжелые доски и бревна под открытым небом. Работы ведутся как в мороз, так и под палящим солнцем. Политическим заключенным поручаются задания с очевидными признаками вредности, такие как обработка гнилой древесины химическими веществами.

«Наш отряд перевели на деревообработку подсобными рабочими. Мы все время должны были находиться на улице. Тогда были очень большие морозы. Нам сказали, что никуда зайти и погреться нельзя. Если поймают — будет рапорт. Это было тяжело, так как обувь, по сути, летняя. Люди надевали по двое, по трое носков, чтобы как-то согреться».

Также заключенные изготавливают поддоны и ящики, в том числе для хранения мин, снарядов, авиабомб и ракет. Заказы поступают от предприятий оборонной промышленности, что делает зону частью военной логистики. К работе привлекают всех, включая политзаключенных.

«На складе лежат различные образцы. Я в армии служил, могу понять, что это ящики для мин и снарядов... и ящики, как я понимаю, танковые. Для авиабомб — потому что цилиндр сделан из секций, а внутри изменяющиеся диаметры, чтобы что-то вложить. Только авиабомбы подходят. И еще делали что-то похожее на ящики под ракеты... СЗО, потому что тубусы очень длинные, туда несколько штук можно вложить».

Третий вид работ для политзаключенных — утилизация кабелей и отходов. Практика сжигания изоляции, резины и списанного военного имущества ведет к выбросам свинца и других токсичных соединений, а дым достигает жилых корпусов. Отсутствие средств защиты делает такие работы прямой угрозой для здоровья и жизни.

«Привозили кабель в полиэтиленовой оплетке, в пластиковой. Они их пилили, рубили, жгли. Столб черного дыма по всей зоне, в окна летел, везде. Мало того, что два химических предприятия с одной и другой стороны было, так еще жгли эту пластиковую оплетку, которая давала едкий дым. Также жгли весь мусор, даже привезли противогазы армейские. Над “промкой” стоял чернющий дым жженой резины».

В колонии также практикуются различные виды принудительного неоплачиваемого труда, осуществляемые под видом хозяйственной деятельности. Одним из регулярных форматов являются парко-хозяйственные дни (ПХД), которые представляли собой генеральные уборки. ПХД проводились как минимум раз в неделю, нередко после отбоя.

Помимо ПХД существует система ежедневных «контролируемых» уборок, обязательных как днем, так и вечером. Утром и в течение дня заключенные убирают уличную территорию, а вечером после отбоя — внутренние помещения.

«Так как весь день расписан на работу, на разные проверки, то уборки давали в основном ночные. И

нас, политических, гоняли на эти уборки. Было очень-очень много уборок. Дают отбой, а ты идешь убирать лестницу, коридор, умывальники».

Нарушения внутреннего распорядка, опоздания или игнорирование графика могут привести к дополнительному «наказанию» в виде работы «на метле» — принудительной уборке, формально представляемой как дежурство. Такие «дежурства» проводятся после основной работы и существенно сокращают личное время, особенно у тех, кто ранее уже отбывал дисциплинарные наказания.

«Ты идешь на ужин, и еще “метлы” остается где-то минут 30–40. Тебя контролируют: там везде стоят камеры, и к тебе приставлен человек, который в своем блокнотике записывает, когда ты вышел на эту “метлу” и когда ушел. Если ты это нарушаешь, тебе опять ШИЗО».

Сезонные работы также включаются в общий порядок. Зимой в ранние утренние часы до подъема и в течение дня заключенные убирают снег с локальных участков, собирая его в мешки и вынося на специальные площадки. В период дождей в те же временные промежутки проводятся уборка луж или сбор листвы. Для таких работ, особенно по выходным, зачастую привлекаются политические заключенные.

«Снег, когда снегопад, убирали все заключенные. Все, кто не лежащие, выходили и таскали снег в мешках. Я, когда увидел эту гору снега, никогда бы не поверил, что люди могут столько натаскать. Гора метров 6 высотой, метров 10 шириной и метров 100 в длину».

Отдельным элементом трудового режима является практика «двойных наказаний» — после выхода из ШИЗО заключенным могут назначать месяц ежедневной «метлы» или других уборочных обязанностей в дополнение к стандартным графикам.

«Есть так называемая практика двойных наказаний.

Это когда все люди, которые побывали в ШИЗО, по выходе еще получают, например, месяц “метлы”».

В ИК-1 соблюдение техники безопасности на рабочих местах носит формальный характер и фактически отсутствует. Осужденные не проходят полноценного инструктажа, средства индивидуальной защиты практически не выдаются, оборудование часто находится в неисправном состоянии. Транспортные средства представляют собой самодельные тележки, собранные из металлолома. Были зафиксированы случаи, когда заключенным выдается рабочая одежда и обувь, не соответствующие размеру и не пригодные к использованию.

«Мне сказали, что робу дадут недели через две-три. Я говорю: “А что мне делать?” Они говорят: “Ну, смотри сам. Если ты не будешь работать, тебе будут акты, ты опять поедешь в ШИЗО”. Мне нашли грязную, порванную робу, которую уже собирались выбрасывать. И мне пришлось в ней работать».

«Мне выдали робу, которая была размеров на пять меньше. Она на меня просто не налезала. И сказали, что больше никаких нет, хочешь — носи эту, хочешь — не носи. То же самое с ботинками было: дали те, которые не налезают. “Отказываешься получать? Мы зафиксируем, будет акт, что ты отказываешься взять рабочую одежду”».

Нарушения правил безопасности являются систематическими и нередко приводят к травмам. Серьезные травмы случаются при работе со станками и инструментами, происходят порезы пальцев, ранения топорами, попадание осколков в глаза, удары по голове тяжелыми предметами. Многие заключенные избегают сообщать о происшествиях, опасаясь обвинений в умышленном членовредительстве.

«Бревно скатилось быстро, человек не успел убрать ногу, ему диском по ноге проехала тяжелая каталка и сломала стопу. Еще парень был политический, он дрова колол, с 10-го отряда. Он махнул топором, промазал и себе по ноге дал. Еще один парень лез что-то делать по электрике в

станок, ему током дало по пальцам. Ходил потом месяца два в бинтах».

Температурный режим в цехах крайне неблагоприятный: в мыловарочных и хлебопекарных цехах очень жарко, тогда как в цехах с открытыми воротами и на улице холодно, особенно в межсезонье. За попытки согреться или отдохнуть вне установленного времени заключенных помещают в ШИЗО.

«Очень жарко на мыловарке, очень жарко на хлебопечке. Когда Бабарико там работал, было видно, как он выходит подышать на воздух, потому что очень жарко. Очень холодно в цехах, в которых постоянно ворота открыты».

По данным бывших заключенных, зарплата составляет от 3 до 7 рублей в месяц. При этом многие заключенные утверждали, что их зарплата была около 60–80 копеек в месяц после всех административных вычетов. Заключенным платят значительно меньше установленной минимальной оплаты труда, ссылаясь на удержания за бытовые расходы.

«По большому счету это был рабский труд. Я за три месяца оплаты даже на зажигалку не заработал. В месяц 60 копеек. Я посмотрел расчетный за три месяца, у меня 2 рубля получилось».

«На промзоне средняя зарплата — это 1 рубль, 1,20 рублей в месяц примерно».

Неформальная тюремная иерархия

«Тюрьма построена по принципу воинской части. В плане иерархии — очень удобно. Начальник отряда — это комбат по своим функциям, примерно как капитан, лейтенант, а зэки, которые находятся у него на должностях, — это, по сути, сержантский состав. Если так иерархию понимать, прямо калька». (Из показаний бывшего политзаключенного)

«Десятка» до 2010 года считалась так называемой «черной зоной», где жили «по понятиям»: здесь сидели «сторожа» и «воры в законе».^[12] Однако с появлением в колонии после выборов президента в 2010 году оппонентов режима Лукашенко (Андрей Санников, Игорь Олиневич, Никита Лиховид, Алесь Киркевич) колония перешла под управление администрации (стала «красной»), причем в очень жестком режиме.

«Новополоцкая колония №1 считается самой «красной», самой режимной и строгой. Любое нарушение сразу фиксируется. Все под милицией ходят. И лучше всех там себя чувствуют активисты, которые работают на администрацию, все остальные впахивают. То есть тот, кто не подлец, — тот там и страдает по большому счету».

Доминирует в колонии ее руководство, которое, с одной стороны, использует процессуально-исполнительное законодательство и другие нормы содержания в исправительном учреждении, а с другой — поддерживает неформальную иерархию. Как и в других колониях Беларуси, вся масса заключенных делится на тех, кто сотрудничает с администрацией (т.н. «козлы» — завхозы, старшие по отряду, бригадиры), и тех, кто не сотрудничает («мужики» — основная масса и НСС).^[13] Начиная с карантина, а затем и при нахождении заключенных в отрядах часть функций сотрудников учреждения выполняют «козлы».

^[12] <https://www.svaboda.org/a/32826995.html>

^[13] Более подробно о делении заключенных на касты в колониях и тюрьмах можно прочесть в разделе «Неформальная тюремная иерархия» в расследовании «Пытки и жестокое обращение в Исправительной колонии №17 г. Шклова», стр. 26–29: https://torturesbelarus2020.org/pytki_ik_17

«На карантине эти активисты — зэки, которые сотрудничают с администрацией, — они там даже хуже сотрудников. Когда я приехал, были снегопады. Нас будили в четыре утра, чтобы снег расчищать».

В карантине основной круглосуточный контроль за заключенными осуществляют старшие отряда. В эту же категорию входят секретарь отряда и дневальные. По рассказам заключенных, многие из них в самой зоне вообще не были по разным причинам, и переход в зону для них нежелателен. В карантине оставляют два типа людей: либо тех, которые готовы на все ради того, чтобы получить УДО или замену режима, либо осужденных за сексуализированные преступления, которые боятся стать «низким статусом» внутри колонии.

«Я знаю, что секретарь... у него была какая-то сексуальная связь с несовершеннолетними, исходя из номера статьи. Он очень долгое время был одним из людей, которые были на карантине, и говорят, что он составлял какие-то там писули, записи ментам».

Также в колонии есть более-менее «престижные» должности, которые дают их обладателям некоторые привилегии и послабления режима: библиотекарь, медбратья, раздатчики пищи в столовой, завхозы медчасти, техникума, сантехники, дневальные комнаты свиданий.

«1-й и 2-й отряды, которые отдельно находятся, — там все зэки не на промзоне, а на каких-либо бытовых услугах по колонии. Это, условно говоря, библиотекарь — очень крутая должность. В медчасти — медбратья или завхоз медчасти. Дневальные комнаты свиданий. Такие продвинутые должности, которые много чего позволяют».

В функции завхоза, кроме официальных, входят осуществление «сделок» между заключенными и активистами, сбор «общака».

«Раз в месяц каждый зэк сдает за услуги определенное количество сигарет — три пачки. Эти три пачки распределяются между теми зэками, которые завхоз, дневальные, дневальные комнаты хранения личных вещей,— за их работу».

«Низкий статус» также получает из налогов несколько пачек за то, что убирает туалеты. Есть в этой схеме и другие неформальные сделки. Например, сшить себе что-то на промзоне, починить обувь. Фактически, сигареты в колонии выполняют функцию валюты.

«Например, за три пачки сигарет мне перешили обувь».

Большинство заключенных старается отбывать срок нейтрально, так называемыми «мужиками»: ходят на работу, стараются не привлекать к себе внимание.

Другая часть заключенных понимает, что при взаимодействии с администрацией шансы получить условно-досрочное освобождение или замену режима существенно возрастают. Именно они стараются попасть в категорию активистов.

«Все люди, которые попадают в такой актив, в той или иной мере сотрудничают с администрацией».

Как рассказывают заключенные, до 2020 года люди, осужденные по наркостатьям, находились в условиях, приближенных к тем, в которых сейчас отбывают срок политические заключенные: примерно так же дискриминируемые и с такими же проблемами. В 2020 году многое в системе колонии стало меняться. Появилось большое число политзаключенных, и к осужденным по наркостатьям стали относиться намного лояльнее, их стали допускать до должностей. А учитывая, что наркостатьи подразумевают большие сроки, единственный путь выйти быстрее на свободу — это получить возможность УДО или замены режима на более легкий.

«Это в первую очередь упирается не сколько в формальные критерии, сколько в неформальные. Во время аттестаций нужны характеристики, чтобы милиционеры представляли, что ты твердо стал на путь исправления. Учитывая, как выписываются нарушения, манипулировать этим крайне просто. Дал нарушение, дал второе, сделал “злостником”».

Начинают «карьеру» обычно с дневального. Если заключенный понравился администрации, его могут повышать дальше. Это существенно помогает в получении хороших характеристик, продвижению по лестнице актива. Многие осужденные по наркостатьям благодаря этому выходят на свободу гораздо раньше первоначального срока.

«С точки зрения личной выгоды тут все очевидно. Но другим людям понятно: из-за тех условий, которые они создают и которые негативно влияют на здоровье и все остальное, они являются фактически проводниками этого беззакония со стороны ментов».

Дополнительные привилегии для активистов — это различные формы поощрения, например, дополнительное долгосрочное свидание до трех суток, внеочередная посылка. За счет таких преимуществ активисты живут гораздо комфортнее других заключенных.

«Низкий социальный статус» — дополнительный рычаг давления на заключенных

Установление и поддержание социальных границ между заключенными начинается сотрудниками колонии сразу по прибытии, а в дальнейшем пребывании в колонии это является мощным инструментом администрации во взаимоотношениях с заключенными. Администрация здесь преследует свои цели: создание внутренней напряженности в колонии; предотвращение нежелательных коммуникаций между заключенными, в особенности с политическими; психологическое давление и возможность манипулировать действиями заключенного из-за страха попасть в категорию с «низким социальным статусом» (НСС)^[14].

«Если человек осужден за изнасилование, то, в основном, по таким статьям переводят в более “низкий социальный статус”. Но не всех. Если у кого-то есть деньги, он может откупиться. А если у кого-то их нет — ну и все, иди убирать туалеты».

По прибытии в колонию именно сотрудники учреждения определяют, в каком статусе будет находиться конкретный заключенный.

«Это решает администрация, кто в каком статусе находится. Несмотря на то, что это субкультура заключенных. Они, конечно, основываются на приговоре. Преступления насильственного характера против малолетних, серийные изнасилования, гомосексуальные связи».

Однако и в этом неписанном правиле есть исключения. «Договориться» можно за деньги или пойти на полное сотрудничество с администрацией.

^[14] Больше о «низком социальном статусе» в колониях и тюрьмах можно прочесть в разделе «Неформальная тюремная иерархия» в расследовании «Пытки и жестокое обращение в Исправительной колонии №17 г. Шклова», стр. 26–29:
https://torturesbelarus2020.org/pytki_ik_17

«Есть люди, которые по таким же статьям не находятся в этом статусе. И, как правило, это люди, которые работают на администрацию».

«Он в “мужиках” ходит, потому что его мамка нормально денег закидывает на счета колоний. Поэтому его не трогают».

Вторая категория заключенных из НСС — это люди, которые до лишения свободы злоупотребляли алкоголем, добывали еду на свалках (т.н. «черти»). Они попадают туда, потому что нарушают «зоновский» социальный этикет. Обычно они начинают с роли «отсаженных», то есть людей, которые просто не сидят за общим столом во время приема пищи. Есть также в НСС люди с психическими проблемами. Третья группа — это лица, принадлежащие к ЛГБТК+ сообществу.

Чтобы не попасть в эту унижительную категорию, заключенные не должны здороваться с НСС, что-либо брать у них, мыться в одном помещении. Нельзя применить к ним любое насилие, обидеть даже словом, потому что в ответ такой человек может просто подойти и обнять — и заключенный автоматически приобретает такой статус. Смываешь за собой в туалете — получаешь НСС, потому что «мужики за собой не смывают».^[15]

«Там существуют внутренние криминальные правила. Хочешь, не хочешь, но некоторых правил ты должен придерживаться, потому что иначе ты дискредитируешь себя. Это может закончиться очень плачевно. Такое правило заведено, что все санузлы убирают люди, называемые “петухами”; в официальных документах они называются “люди с низкой социальной ответственностью”».

Именно правилами «зоновской» субкультуры пользуются сотрудники колонии, когда администрация по каким-то своим причинам решает перевести заключенного в НСС. Заключенного вынуждают выполнять ту работу, которую не выполняют «мужики», — мыть туалеты.

«“Низкий статус” в любом отряде занимается уборкой туалетов. И все эти люди у оперативника

^[15] <https://news.zerkalo.io/life/54097.html>

подписывают бумагу о том, что они добровольно согласны выполнять работу по уборке отряда. Таким образом, государство берет на себя ответственность за это притеснение на сто процентов. Потому что не все люди, совершившие сексуализированное насилие, попадают в “низкий статус”, но все люди с “низким статусом” подписывают такую бумагу. Следовательно, именно государство является тем лицом, которое их делает “низким статусом”».

«Если обычный зэк это будет делать, то его автоматически должны перевести в “низкий социальный статус”. На это никто не готов, и на это никто не пойдет. Это черта, которую нельзя перейти».

По такой уже отработанной схеме действуют сотрудники колонии, когда администрация решает отправить заключенного / политзаключенного в ШИЗО / ПКТ без особых на то причин.

Такая процедура может повторяться несколько раз, в особенности в отношении с политзаключенными.

«Когда я вышел из ШИЗО, меня не выпустили даже в отряд. Приходил оперативник, водил меня в санузел на туалеты, менял график уборки, чтобы в этот день именно я убирался. Поскольку это может изменить твой социальный статус в этой тюремной среде, ты отказываешься. Это фиксируется на камеру, и тебя сразу снова кидают в ШИЗО. Так они делали четыре раза. В итоге я отсидел в изоляторе, наверное, 57 или 58 дней».

Психологическое и физическое насилие в отношении лиц НСС в ИК-1.

Исходя из «зоновского» правила «Кулак по зоне не ходит», физическое насилие в колонии запрещено, и правило это должно распространяться на всех. Этому принципа обязаны придерживаться в первую очередь сотрудники учреждения как проводники этого правила.

«Если где-то “петуха” толкнут, понятно, что все закроют глаза. Но, если его реально ударить, то проблемы будут, как и со всеми другими. К тому же многие “петухи”, опять же, стукачи. Их немножко опасаются, потому что они могут доносить».

Несмотря на эти правила, по рассказам бывших заключенных, лиц «низкого социального статуса» в ИК-1 нередко избивали сами сотрудники учреждения.

«Избивали этот “низкий социальный статус” сами сотрудники администрации. У них такой метод, может, профилактический, или они получали какое-то удовольствие... Каждый день одного молодого парня, 26-летнего, выводили на сборный и растягивали до такой степени, что он приходил к нам на карантин с почти черными ногами. Избивали его дубинками и ногами».

С точки зрения заключенных, сотрудники ИК-1 относятся к НСС несколько лояльнее, чем к другим, предоставляя им возможность выполнять их основную работу и соблюдать основные правила субкультуры и не придираясь к ним без особых оснований.

«Исправительная колония №1 между зэками называется “петушинный рай”, в простонародье. Потому что людям в “низком статусе” там во многом жить проще, чем обычным зэкам, из-за такого уровня стеснения ментов».

Заключенные рассказывают, что из-за созданной в ИК-1 несправедливой системы отношений и жестокого обращения с заключенными, в особенности с политзаключенными с большими сроками наказания, они наблюдали случаи добровольного перехода заключенных в НСС.

«...И не будет подвергаться каким-то проблемам в последующем... То есть, с обычным “низким статусом” большинство людей не сильно общается, но, например, с нашими политическими мы старались поболтать”.

Политические заключенные: желтые бирки, 6-дневная рабочая неделя и особый режим содержания

«Это концлагерь — концентрация политических там очень высокая. Когда я приехал, там было от 25 до 35 процентов политических заключенных». (Из показаний бывшего политзаключенного)

К политическим заключенным в Новополоцкой колонии у администрации, так же как и в других исправительных учреждениях страны, отношение жесткое и неадекватное. Очевидно, что действуют сотрудники исходя из приказов и установок Департамента исполнения наказаний Республики Беларусь и иных силовых ведомств.

«Эти сотрудники, воспитанные Пальчиком, очень жестокие и отрывались по максимуму, кто как мог и кто как хотел. Первые ребята, которые туда заехали, пострадали очень сильно. Потому что их было мало».

Первое визуальное отличие политзаключенных от других отбывающих наказание в колонии — это наличие желтых, а иногда и красных бирок на одежде. Получают такую метку политзаключенные уже в Следственном изоляторе.

«В первую очередь профучет — это пристальное внимание от сотрудников. Ты всегда сидишь в первых рядах, три раза в день нужно отмечаться в определенном месте в определенное время. Если ты опоздал, то это нарушение. Ну и, скажем, десятый профучет — мы звонили отдельно, звонки у нас были реже».

Основная задача сотрудников в колонии — ужесточить жизнь заключенных. Для политических все вдвойне сложнее.

«“Злостники” — в основном политические заключенные. Это те, кто катается по ШИЗО, у которых обрезана отоварка в магазине не более двух базовых. Иногда и свидание забирают. Кто на что горазд, к каждому индивидуальное отношение, к кому-то более жесткое, кому-то более мягкое».

Самые распространенные профучеты для политзаключенных — это 3-й^[16] и 10-й^[17]. Обладатели желтых бирок — профучеты — трижды в день в любую погоду обязаны строиться для дополнительной пофамильной проверки. Единственный день, когда такой проверки не проводится, — воскресенье.

«Еще хуже было положение у краснобирочников. Это люди, склонные к побегу, их было два или три человека в зоне. Хотя никаких побегов они не делали. И вот они ходили каждый час на проверку».

Из популярных профучетов в колонии — склонность к суициду.

«Люди, которые пытались вскрыть себе вены, носят такой профучет. Кто пытался повеситься, кто высказывал вслух какие-то суицидальные мысли и не раз, тоже носят такой профучет».

Совершить суицид в ШИЗО этого учреждения пытался и экс-политзаключенный Александр Кабанов. Он рассказывал, что его трижды отправляли в ШИЗО. В последний раз условия в камере оказались такими, что мужчина не выдержал и бритвенным станком порезал вены. Ему наложили 68 швов.^[18]

«Еще до приезда туда понимал, что это за место. Во время этапов я общался с людьми, которые уже побывали в колониях. Про “единицу” ходили самые

^[16] 3-й профучет — склонный к захвату заложников, проявлению агрессии и нападению на сотрудников администрации.

^[17] 10-й профучет — склонный к экстремизму и иной деструктивной деятельности.

^[18] <https://news.zerkalo.io/life/34986.html>

мрачные слухи. Говорили, там вообще трэшак. Когда я только туда приехал, на меня сразу же составили акт за расстегнутые пуговицы. За ним в тот же день последовал второй: якобы количество фотографий, которые у меня были, не соответствует заявленному в описи. Затем меня поставили мыть унитазы. Я отказался — и меня на месяц закрыли в ШИЗО в одиночке».

Что касается иных ограничений и запретов, то обучение в техникуме также недопустимо для политзаключенных.

«Потому что, условно говоря, если у вас 15% политических, значит, у вас очень маленький выбор... Деду уже под 60, а его заставляли идти учиться, чтобы выполнить план».

Доступ политзаключенных в храм то открывали, то закрывали. Основными «развлечениями» для политзаключенных остаются физические упражнения, чтение книг, просмотр пропагандистских передач в ленинской комнате.

«Есть конкурсы типа “Мы ищем таланты”. Политических туда не берут. Основное развлечение — это турники, брусья внутри локального участка, книжка, есть “ленинка”, где работает телевизор. Ну и просто сидеть, чай пить».

Как правило, уже из карантина политзаключенные выходят с одним-двумя нарушениями. Иногда они могут получить сразу три нарушения, в связи с чем автоматически становятся «злостниками» и попадают в ШИЗО.

«Это происходит для того, чтобы сделать “злостником”; нужно либо три любых нарушения, либо два, если одно из них — ШИЗО».

Отношение к политзаключенным в ШИЗО мало чем отличается от отношения к другим заключенным — само нахождение там равносильно жестокому, унижающему человеческое достоинство обращению.^[19]

Политические заключенные помещаются туда намного чаще и на более длительный срок. Многие из них после многочисленных ШИЗО / ПКТ отправляют на изменение режима содержания и переводят в крытую тюрьму.

«Тут скорее влияло личное отношение. Кто-то из политических больше отстаивал свои границы, кто-то меньше, поэтому кому-то могли из-за этого налить больше хлорки. То есть, самое главное предвзятое отношение — это то, что нас чаще отправляли в ШИЗО, чем других».

Опрошенные заключенные утверждают, что фигуранты громких дел испытывают большие проблемы и лишения в ИК-1. В колонии содержится много журналистов, среди которых главред «Белапан» Андрей Александров и активист «Союза поляков» Анджей Почобут, «рельсовые партизаны», профсоюзные лидеры, помощник Сергея Тихановского Юрий Власов, бывшие милиционеры и некоторые государственные служащие районного и областного масштабов, глава «Белгазпромбанка» Виктор Бабарико. Блогер Эдуард Пальчис и анархист Алексей Левкович после многочисленных пребываний в ШИЗО и ПКТ из Новополоцкой колонии были переведены в тюрьму.

«Над ними там издеваются конкретно. Если такими мелкими политическими, как за комментарий, как у меня, можно затеряться немного, пока о тебе не вспомнят, то таким фигурам, как Лосик, Бабарико, сложно».

^[19] См. раздел этого документа об условиях содержания в ШИЗО и ПКТ.

Виктор Бабарико: полная изоляция и «угольный ад»

«Когда он крикнул “Вы наш президент!” (Бабарико тогда только приехал в лагерь), он отсидел в ШИЗО дней 90. Потом ему еще повесили 10-й профучет. И потом он поехал в крытую в Могилев». (Из показаний бывшего политзаключенного)

Фото 4. Виктор Бабарико. Источник: <https://euroradio.fm/ru/mnogo-smertey-i-pytki-cto-proiskhodit-v-kolonii-gde-derzhat-viktora-babariko>

Когда в колонию поступает политический заключенный, об этом заранее знает все ее руководство. Но с приездом Виктора Бабарико^[20] в ИК-1 началась настоящая паника. По словам бывшего политзаключенного,

^[20] Банкир, общественный и политический деятель, меценат. В 2020 году выдвигал свою кандидатуру на пост президента Республики Беларусь. Приговорен к 14 годам лишения свободы.

в колонии никто не знал, куда его «воткнуть» — в какой отряд, на какую работу, как организовать условия его пребывания, чтобы минимизировать любые контакты с другими заключенными. Уже в карантине у заключенных начались проблемы из-за общения с Виктором Бабарико.

«Когда мы все приехали в карантин, нам говорили, что с Бабарико общаться — это будет проблема сразу. “Даже если вы будете стоять вместе за получением этих заказных писем, не здоровайтесь, не общайтесь”. В воскресенье я принципиально договорился с ним, что он нам расскажет о том, как собирали картинную галерею. Мы просто сидели, я пил кофе, Бабарико рассказывал. Мы еще взяли книжку в библиотеке про белорусское искусство и, собственно, вели светскую беседу. И на следующий день все поехало... Я “попил кофе хорошенько” — и “уехал” [в ШИЗО] на 20 дней. Знаю, люди, которые с ним просто не боялись лишней раз поговорить, тоже “уезжали”».

Специально под Бабарико пекарню, которая находилась во втором отряде, перенесли в шестой — самую маленькую и скрытую локальную зону. Сетчатый забор заменили на глухие ворота, чтобы никто не мог его увидеть. Виктор Бабарико сначала работал истопником, затем — укладчиком хлебобулочных изделий. Температура в помещении — выше 30 градусов, вентиляции нет, кругом пыль, две раскаленные печи. Он пек хлеб, лепил булочки, крутил макароны. С ним работали еще несколько человек, но общаться с ним запрещали. За разговор с Виктором Бабарико людей отправляли в ШИЗО.

«Когда приехал Бабарико, например, двух человек отправили не в карантин, а сразу же в ШИЗО. Они помогли Бабарико сумки нести. Формально у них найти причину не проблема: расстегнутая пуговица, не поздоровался...»

К приезду политика количество камер видеонаблюдения в пекарне увеличили с пяти до двенадцати — чтобы не осталось ни одного слепого угла. Каждый его шаг, каждое движение фиксировались. За ним следили не только видеокамеры, но и так называемые «стукачи» —

подконтрольные администрации заключенные, которые писали доносы и докладывали о каждом его действии.

“Бабарико до тех пор, пока его не начали прессовать, жил отдельным миром. Ему всегда давали работу на изолированных участках — хлеб печь либо угли [жечь]. То есть там, где он изолирован от остальных людей. С ним работали один-два человека, и они проверенные, нужные люди. Потом, когда его стали запрессовывать, с ним работал такой парниша: он его и в бочку заставлял лазить, хотя у него справка была, что ему туда нельзя. Короче, микронадзиратель. И я хорошо помню, что потом, когда Бабарико забрали уже на ПКТ, он его куртку носил со словами: “Я ее заработал”. Там, где работал Бабарико, добавляли лишних камер наблюдения, и такой ревун [начинался], когда дверь открывается... Все знали, когда Бабарико в туалет идет, потому что, чтобы его вывести с того участка, надо же открыть”.

В ноябре 2022 года Бабарико перевели на другое место работы — в бригаду по производству древесного угля, несмотря на то что он имеет медицинские противопоказания к такой работе. Это считается одной из самых тяжелых и грязных работ в колонии. Заключенные целыми днями работают на улице, без доступа в бытовку, с топками, угарным газом, тяжестями и гарью, которая въедается в кожу. Здесь за Бабарико не прекращалось постоянное наблюдение, и все его передвижения контролировались.

«Возле него два-три стукача было всегда. Двое по бокам и один сзади. Они идут и по сторонам смотрят. Он, как под конвоем из эков, по лагерю передвигается. Куда бы он ни шел, три человека за ним».

«Ты стоишь, колешь дрова или чем-то занимаешься, видишь — милиция с этими “козлами” уже побежали за Бабарико. Бегут к нему на работу давать нарушения. У него ж территория, где он работал, эти угли, — она была под

сигнализацией. И когда он выходит оттуда, если сигнализацию не отключили и кто-то не пришел ему дверь открыть, — все, оно сразу “виу-виу-виу”. Сирена срабатывает, уже бегут нарушения давать».

Политзаключенный, который был с Бабарико в 4-м отряде и работал на углях, рассказывает:

«Он очень худой, сутулый, сильно похудел. Ему запрещены все передачи. Потом его вообще на ПКТ закрыли. Недавно мой знакомый хороший освобождался. Он рассказал, что на ПКТ видел Бабарико. Если живой, то уже хорошо... А так мы не видели его с конца весны 2023. Потом его как-то выпустили на несколько дней, а потом снова закрыли».

«Не дай бог с Бабарико в одном отряде находиться — шмон через день. Причем шмонают конкретно. Я так думаю, что это один из методов давления на него, чтобы через заключенных, чтобы вызвать агрессию, злость на него. Но если я правильно понял ситуацию, то там все адекватные были люди, понимали, что и как, и что он не может на это повлиять».

С февраля 2023 года условия содержания Бабарико резко ужесточились. Его поставили на 10-й профучет как «склонного к захвату заложников» — поводом стали царапины на подоконнике от ножа, когда он резал сало. Доступ адвоката ограничили, отоварку в тюремном магазине запретили, лишили передач от родственников, каждое нарушение сопровождалось ШИЗО. Разговоры с ним снова стали поводом для новых репрессий.

«Когда он отказывался убирать туалеты, его сначала посадили в ПКТ, а потом — снова в ШИЗО. Все, что могли, отобрали. Даже книги начали ограничивать. Запретили литературу белорусских авторов, иностранные языки, письма не доходят».

«В один момент к нему отношение резко поменялось. Его водили куда-то на какие-то разговоры. Мы ничего не знали, не понимали, мы просто видели, что его куда-то повели. И вот после одного такого приезда вдруг все поменялось. У родственников не приняли передачу, свиданки лишили. И пошли ШИЗО, ШИЗО, ШИЗО...»

В апреле 2023 года Виктор Бабарико был доставлен в хирургическое отделение больницы в тяжелом состоянии.^[21]

«В санчасти, когда он туда попал, в одной из комнат установили камеру видеонаблюдения. Очевидно, она предназначалась для Бабарико. Многие заключенные видели его через окно с перевязанной головой. Тем временем в милиции начали распространять слухи о том, что Бабарико упал. Один мой знакомый заключенный зашел в санчасть как раз в то время, когда Бабарико был там, когда его везли из тюремной больницы в Колядичах. Он спросил: “Что с вами, Дмитриевич?” Тот ответил: “Я упал”. Видимо, так ему и велели сказать».

Бывший заключенный добавляет, что в колонии ходила информация о том, что у Виктора Бабарико проколото легкое, есть проблемы с почками, и он несколько раз терял сознание. Позже он был переведен в СИЗО-1 в Минске, а затем снова возвращен в колонию. Все лето он провел в ПКТ.

С ноября 2023 года Виктор Бабарико находится в полной изоляции. С этого времени ни родственники, ни общественность не имеют никаких подтверждений о его местонахождении.^[22]

По словам очевидцев в колонии, в начале 2024 года его увезли неизвестные люди в масках, запретив другим заключенным даже выглядывать. Предполагалось, что его готовили к возможному участию в суде сына Эдуарда, но в итоге не привезли ни на один процесс.

Периодически освободившиеся из ИК-1 заключенные сообщают о Викторе Бабарико известную им информацию.

^[21] <https://news.zerkalo.io/economics/37775.html>

^[22] <https://news.zerkalo.io/economics/37786.html>

Так, один из задокументированных «Международным комитетом по расследованию пыток в Беларуси» бывших политзаключенных, сообщил следующую информацию:

«...я познакомился с одним заключенным. Лет 50, сидел за жестокое убийство, и у него явно были ментальные проблемы. От него я узнал, что на протяжении полугода он находился в одной камере с Виктором Бабарико. Рассказывал, что тот, несмотря ни на что, всегда следил за собой, делал зарядку, был максимально интеллигентен, но с ним — качком — почему-то не общался. И я могу догадаться, почему. Виктор Бабарико — умный человек, и, судя по всему, сразу понял, что рядом с ним человек с нестабильной психикой, поэтому принял для себя тактику не коммуницировать, дабы не провоцировать конфликт с последствиями. Исходя из того, что Виктора стараются никому не показывать, могу сделать вывод, что этого заключенного к нему подсадили специально, чтобы тот его морально сломал, избил или сливал о нем информацию в обмен на послабление режима для себя же. Довольно популярный прием в ИК-1».

Заключенные рассказывают, что Виктор Бабарико старался ни с кем из заключенных не общаться, чтобы не навлечь на них неприятности.

«Потому что если ты с ним общаешься, то ты будешь ездить по ШИЗО. Если ты к нему хочешь подойти и поговорить, он обычно: “Так! Не стоит!” Он понимающе к этому относился, потому что ты с ним поговоришь и поедешь в ШИЗО убивать свое здоровье».

Заключенные сообщили также о факте жестокого избиения молодого заключенного за общение с Виктором Бабарико.

«Его избили на ШИЗО так, что у него там на несколько недель ноги отняло. Если тебя в ШИЗО

сильно избили, то тебя будут оставлять в ШИЗО, пока все не заживет, чтобы выпустить обратно в жилую зону. Потом Бабарико, в принципе, мало с кем общался, потому что знал, что происходит за общение с ним».

8 января 2025 года Роман Протасевич^[23] опубликовал фото и видео встречи в ИК-1 с политзаключенным Виктором Бабарико, о котором не было никаких вестей более полутора лет.^[24]

По словам Протасевича, он привез для Бабарико письма от близких родственников и записал видеообращение оппозиционера к родным. Виктор Бабарико в ходе встречи также написал несколько писем для родных и передал их блогеру. «Сразу скажу: основная цель моего визита была передать весточки от его родни ему и, соответственно, доставить уже его письмо в обратном направлении», — рассказал Протасевич. Подлинные причины этого визита неизвестны.

Фото 5. Бывший глава «Белгазпромбанка», претендент на пост кандидата в президенты Виктор Бабарико и Роман Протасевич в ИК-1. Источник: <https://info214.by/event/226>

^[23] Блогер Роман Протасевич сотрудничал с белорусской службой «Радио Свобода», «Еврорадио», был шеф-редактором Telegram-канала «Nexa». После задержания в 2021 году сотрудничал со следствием и публично каялся в содеянном. Фактически находится в состоянии заложника системы и используется режимом для своих целей.

^[24] <https://news.zerkalo.io/economics/87902.html>

Никакой официальной информации о состоянии Виктора Бабарико с того времени не поступало. Политик продолжал находиться в Новополоцкой колонии в жестких условиях ПКТ без связи с внешним миром.

16 августа 2025 года в СМИ распространилась информация, что Виктор Бабарико находится в своем отряде и снова работает в пекарне.^[25]

^[25] <https://pozirk.online/be/news/151449>

Анджей Почобут. «Его всячески там ломали, но он стойкий и непреклонный»

«Почобута привезли, сразу закинули в ШИЗО. Потом из ШИЗО на ПКТ, то есть, он там всего два дня побыл. Когда мы на промзону шли, видел, как его из ПКТ под руки ввели в санчасть, что-то там случилось». (Из показаний бывшего политзаключенного)

Фото 6. Баннер с политзаключенным журналистом и активистом «Союза поляков Беларуси» Анджеем Почобутом. Белосток, Польша. 20 января 2023 года. Фото: Beata Zawrzel / Reporter / EAsT News. Источник: <https://ru.belsat.eu/83911548/losik-ishudal-pochobut-derzhit-marku-aleksandrov-vyezshaet-na-positiv-cto-s-politzaklyuchennymi-zhurnalistami-iz-ik-1>

По словам одного из бывших политзаключенных, в колонии Почобута^[26] неоднократно пытались сломать.

«При мне он все время был на ШИЗО. Его один раз выпустили. Но в тот момент его вообще не подпускали к другим людям».

На Анджея началось давление через режимные уловки. В его расписании уборок внезапно появилось задание, которое он физически не мог выполнить. Это стало предлогом для помещения в ПКТ.

«Почобут сидел все время в ШИЗО, в ПКТ. Потом знаю, что после меня его уже выпускали, он в отряде жил. Но при мне это были только ШИЗО и ПКТ».

Нахождение в колонии серьезно ударило по здоровью журналиста. У Почобута проблемы с сердцем, «скачет» давление, ухудшилось зрение. При этом ему не раз отказывали в передаче лекарств. Письма и посылки задерживаются месяцами, свиданий и звонков с родными практически не предоставляют.

«Его в очередной раз закрывали в ШИЗО, он пожаловался на высокое давление. Его отвели к врачу, врач померил, действительно высокое. Был молодой врач с хорошей репутацией, и он не дал разрешения заключать его в ШИЗО. На следующий день его повели уже к начальнице медчасти, и она его закрыла. Знаю, что этот врач молодой через некоторое время уволился».

^[26] Журналист из Гродно и активист «Союза поляков Беларуси» Анджей Почобут был задержан 25 марта 2021 года. 8 февраля 2023 года суд признал его виновным в «призывах к действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности» и «разжигании вражды» и приговорил к восьми годам колонии усиленного режима. Министерство внутренних дел внесло его в реестр так называемых «экстремистов», а Комитет госбезопасности — в перечень «лиц, причастных к террористической деятельности».

По словам очевидцев, к Почобуту неоднократно приезжали и уговаривали написать прошение о помиловании. Для этого ему даже подсовывали готовые бланки, где нужно было лишь поставить подпись. Но журналист оставался непреклонен и отказывался от подписи.^[27]

«По тому, как его ломают, мы поняли: это принципиальная игра Лукашенко. Ему важно, чтобы Почобут покался лично. Но он не сломался».

Лукашенко в свое время открыто в этом признался: он заявил, что готов обменять журналиста на членов оппозиционного Национального антикризисного управления (НАУ) во главе с Павлом Латушко. Фактически Анджей Почобут находится в плену у режима, а его судьба зависит от решения одного человека.

^[27] Осуждение и последующее заключение в колонию Анджея Почобута вызвали большой международный резонанс. Польша в ответ на приговор закрыла погранпереход «Бобровники» на белорусско-польской границе, а официальный Минск ввел зеркальные ограничения для польских перевозчиков, запретив им пересекать границу через Литву и Латвию.

Игорь Лосик: голос свободы, который хотят уничтожить

Фото 7. Игорь Лосик. Фото svaboda.org. Источник: <https://news.zerkalo.io/life/34976.html>

По рассказам бывших политзаключенных, впервые Игоря Лосика^[28] в колонии №1 увидели на промзоне. Он разбирал старые кабели, очищая их от изоляции, — работа тяжелая, вредная и крайне унижительная для заключенных с «высоким статусом».

«Он был бледным, сильно похудевшим, но очень сосредоточенным. Видно было, что держится из последних сил».

Особое давление на Лосика объяснялось его медийностью и принципиальностью. Он отказывался от любых предложений о сотрудничестве, отказался писать прошение о помиловании. Жена продолжала говорить о нем в интервью — и каждый раз после очередного упоминания в медиа на Игоря усиливалось давление.

^[28] Блогер, медиа-аналитик, консультант «Радио Свобода» и автор телеграм-канала «Беларусь головного мозга» Игорь Лосик был приговорен к 15 годам лишения свободы в колонии усиленного режима и пробыл за решеткой более пяти лет.

Позже его определили отряд, в котором заключенные перебирают полиэтилен для переработки, и некоторое время он пребывал в колонии относительно спокойно. После того как посадили на два года жену Игоря Лосика, его моральное состояние резко ухудшилось. Кроме того, администрация колонии начала уделять ему усиленное внимание.

«У него проблемы начались, когда жену закрыли. Он очень сильно морально просел. Знаю, что его несколько раз тоже возили на кабинеты. По его лицу можно было сказать, что, скорее всего, шел какой-то торг, и он это понимал. Он надеялся, что его обменяют. Учítывая, что потом Кузнечика обменяли, то я не удивлюсь, что это все давно обсуждалось тем или иным образом. Потом, когда его начали закрывать на ШИЗО, стало понятно, что у парня проблемы и скоро будет ПКТ».

В один из дней к нему в камеру пришли сотрудники администрации с видеокамерой и потребовали убирать туалет. Такой приказ в колонии приравнивается к попытке опустить заключенного в НСС. Игорь отказался. За это его немедленно отправили в ШИЗО.

«Его пропустили через процедуру этих уборок унитазов. Он себя очень сильно порезал. Но ребята, которые успели это увидеть, сказали, что демонстративно. То есть, цель была — именно много крови, а не угроза жизни. Его перебинтовали. Несколько дней был на больничке».

Позже последовало еще более суровое наказание — перевод в ПКТ. Это форма изоляции, приравненная к карцеру, но на длительный срок. Лосик находился там почти постоянно. Один раз его выпустили — всего на один-два дня. Те, кто его тогда видел, были потрясены.

«Это был не человек, а тень. Кожа да кости. Абсолютно белый. Казалось, что он умирает».

Заклученные начали помогать: кто-то тайно делился едой, кто-то пытался поддержать словом. Но администрация отреагировала жестко: всех, кто оказал Лосику помощь, отправили в ШИЗО, некоторых — сразу на несколько сроков подряд. Самого Игоря снова вернули в ПКТ. Его состояние критически ухудшилось, появились сведения о попытке самоубийства. Он порезал себе руки и шею.^[29]

Весной 2025 года Игорь Лосик исчез из ИК-1. По словам очевидцев, в тот день было полностью остановлено движение по территории колонии, чтобы свести к минимуму количество свидетелей.

^[29] <https://news.zerkalo.io/life/34976.html>

Провокации и «стукачество»

«Больше всего натравливали милицию на политических заключенных. Им нравилось, если про политических что-то доносили». (Из показаний бывшего политзаключенного)

«Стукачество» со стороны заключенных очень распространено в ИК-1. Оно начинается уже на этапе нахождения вновь прибывших в карантине.

«Есть доносчики, которые “стучат”, доносят время от времени, их вызывают к оперативнику, они в активе не состоят... [им] снимут наказание внеочередное, они хорошо продвигаются по системе условно-досрочного освобождения, замены».

Доносительство, особенно на политических заключенных, поощряется администрацией. «Актив» отряда сообщает администрации обо всем, что происходит с политическими заключенными.

«Политические решили с Виктором Дмитриевичем попить чая и где-то несколько часов сидели, разговаривали. Их сдал потом завхоз шестого отряда. Их отправили в ШИЗО. Они [“стукачи”] стараются выслужиться, чтобы пойти потом на замену режима или условно-досрочное освобождение».

«Меня вызывали четыре раза, и опер говорил: “Видишь, как ты часто ко мне ходишь? Ты пойми, что тот, кто часто ходит к операм, — тот “стучит”, значит тебя заподозрят. Может, давай на самом деле...”»

Физическое и психологическое насилие над заключенными

«Я просто чувствовал абсолютную беспомощность, я не знал, что делать, я был уверен, что я с этим не справлюсь, я упал духом...» (Из показаний бывшего политзаключенного)

Заклученные в ИК-1 систематически подвергаются физическому и психологическому насилию со стороны сотрудников колонии. Экспертами в данном расследовании были более подробно изучены случаи применения насилия именно к политическим заключенным.

«Когда я был на ПКТ, крики от избиения слышны были даже на коридоре. Еще они практикуют избиения в душевой. Они предполагают избиения до крови, потому что в душе это все смывается потом шлангом. Делают это непосредственно контролеры, состав этого воинского наряда, то есть внутренние войска».

«Я слышал... Это ни с чем не сравнится. Тупые удары по телу, они хорошо слышны, как и причитания человека. Ты просто слышишь это “м-м, м-м, м-м”. Такой глухой удар... Очевидно, что происходит».

«Его гнобили, он отсидел более 100 суток зимой в камере, которая в конце коридора. До такого состояния довели человека, что у него потрескались губы от холода, от сквозняка, руки потрескались до кровотечения. Он там пытался греться возле батареи и получил себе ожоги спины. Пальчик к нему пришел и посмотрел: — Чего у тебя с губ кровь течет? Ты сам себя бьешь?

— Нет, это у меня авитоминоз, у меня губы потрескались.

— А, у тебя авитоминоз, ну, у тебя алюминиевая миска есть, может тебе алюминия не хватает, лижи алюминиевую миску».

«Было видно, что к нему было предвзятое отношение со стороны начальника колонии. Он его оскорблял постоянно, провоцировал, бил его по ногам, на “растяжку”...»

Свидетели указывают на конкретных сотрудников ИК-1, которые систематически применяли физическое насилие к осужденным. В первую очередь отметим бывшего начальника ИК-1 Андрея Пальчика, который не только знал о неправомерном применении насилия сотрудниками, но и лично избивал заключенных.

«Избивают там три человека. Они все крупного телосложения, сильные физически. Пальчик, начальник колонии, Филипп Владимирович, который капитан, ДПНК. Есть еще такой зам, вернее, начальник режимной части. Майор. Они под 1,90 м ростом. Такие у них склонности есть — избивать людей. Именно они инициаторы таких экзекуций».

«Они инсценировали, как будто он нападает на них. После этого начали его избивать. Получилось так, что он жмет ему руку, потом контролер делает вид, что ему якобы закручивают руку, на излом берут. И это все на камеру снимается... Они его жестоко избивали после этого. Возбудили против него уголовное дело, якобы за нападение, и поставили ему условие: или он забывает о том, что с ним было, и никому не говорит, никому не пишет, не жалуется, или будет уголовное дело. Ему 411-ю статью вменяют и добавляют срок. Так его шантажировали».

«Такой он [Лисовский], постоянно пытался меня спровоцировать, подначить, подцепить. Он тоже может ударить».

«При Пальчике, знаю, избивали внутри. Знаю, что одного деда, у которого связки в результате аварии порваны на одной ноге, он попытался поставить на растяжку — дед просто упал, потому что у него нога не держит. Знаю, что Пальчик лично избивал».

«[Про “растяжку”] Ставят к стене, руками на стену, пару шагов от стены, и разбивают ноги шире и шире до такой степени, как будто садишься на шпагат.

Пока позволяет растяжка и пока ты не упадешь от боли или потери равновесия, либо можешь травму получить. Они растягивают и либо заставляют долго так стоять, либо могут в этот момент еще больше растягивать, бить по ребрам».

«До этого человеку, когда возили в больницу, — его избивали, — вырезали селезенку. Он потом сидел уже на “крытой” в Могилеве. Его били два месяца. То есть каждый день в течение двух месяцев его избивали».

«Его избивали раза три, очень жестко. Заводили в душевую, били по ночам. Я эти крики слышал. Как-то ночью я проснулся из-за того, что крики там сумасшедшие стояли. Их человек пять или шесть было. Дубинами отделали так, что он орал как резаный».

«Мне прижимают руки к стене, с двух сторон стоят сотрудники и начинают бить по ногам, растягивая. И начинают орать на меня: «Ты что, не понял, куда попал?! Слышишь, ты там!» Я падаю на землю. Бьют по внутренним, по стопам. Один бьет в свою сторону, другой в свою. По ступням, чтобы они разъехались на полу. Тебя держат за руки и сажают на продольный шпагат».

«Нарушения» и наказания

«Там же нарушения получаешь достаточно просто. Не поздоровался, пуговица не застегнута, либо еще что-то. Даже если поздоровался, это не важно. Если они пришли давать нарушение, они тебе его уже дали». (Из показаний бывшего политзаключенного)

В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом за нарушение порядка отбывания наказания к осужденным могут применяться меры взыскания, включая выговор, внеочередное дежурство по уборке, лишение права на посылки или свидания, помещение в ШИЗО до 15 суток^[30] и перевод злостных нарушителей в ПКТ на срок до шести месяцев. Кроме того, к осужденным, злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания, может применяться перевод в тюрьму на срок не свыше трех лет.^[31]

«Самое страшное наказание — это когда твои родственники к тебе едут на свидание, уже выехали откуда-то, из Бреста, например. А тебя в ШИЗО кинули специально».

«Приходит ему посылка, а его хотят резко наказать. Посылка лежит на почте. Они с почты звонят в лагерь, говорят, что этому человеку посылка. Этого человека за пять минут наказывают, лишают посылки. Сразу на почте не забирают, отправляют обратно домой».

В отношении политических заключенных произвольно применяются взыскания с целью создания бесчеловечных условий отбывания наказания и возможности перевода их в ПКТ либо на «тюремный режим», а впоследствии и привлечения к уголовной ответственности по ст. 411 УК.

^[30] До июля 2024 года максимальный срок водворения в ШИЗО был 10 суток.

^[31] См. ч. 5 ст. 69 УИК.

«Обычно заключенному сообщается, что он нарушил то-то и то-то, на него будет составлен рапорт. После чего проходит несколько дней, его вызывают и говорят писать объяснительную. У человека выбор: либо писать, либо не писать. И в большинстве случаев все заканчивается ШИЗО».

«Причем по закону наказание — до 10 суток. А это могут быть одни сутки, может быть 5 суток, может быть 6, 7, 10. Но в ИК-1 вообще нет такого, то есть ШИЗО — это всегда 10 суток, за любое нарушение. Все прекрасно знают, что другого срока не бывает».

ШИЗО и ПКТ

«Что можно стопроцентно отнести к пыткам, — это содержание в ШИЗО». (Из показаний бывшего политзаключенного)

Водворение в ШИЗО и перевод в ПКТ являются самыми тяжелыми взысканиями, предусмотренными в УИК. Предполагается, что они применяются в исключительных случаях, когда иные виды взысканий не могут воздействовать на заключенного. В ИК-1 водворение в ШИЗО применяется при наличии малейших формальных нарушений или без таковых просто потому, что осужденный является «политическим».

«В ШИЗО могли закрыть кого угодно: был бы человек — статья найдется. Делалось все это очень просто: устраивался шмон конкретного человека, его вещей. Очень сложно посчитать сигареты тем, кто курит, а у них сигареты тоже были как средство расчета. Одной сигареты нет — все, идешь на ШИЗО».

Часто практикуют наложение взысканий на лицо, которое уже находится в ШИЗО или только из него вышло.

«В ШИЗО на следующий день на меня написали акт о том, что в камере не убрано. Буквально утром уже пришли и сказали, что “еще один акт на тебя”, что “уже не 10, а 20 суток тебе”. И потом где-то дня через 2–3 ко мне пришли. А у меня после завтрака осталась корочка хлеба. Но они: “О, запрещенные продукты питания”. “Как “запрещенные”? Это мне сегодня утром выдали. Он не может быть запрещен в принципе”. Мне дали месяц сразу же».

«Я знаю людей, которые 70 и 80 суток просидели. Они формально тебя выпускают из ШИЗО, доводят до отряда и составляют рапорт за якобы расстегнутую пуговицу. И ведут обратно, и опять срок от нуля до 40 суток. Я встречал людей, которые 100 и более суток отсидели таким образом».

Законодательством (УИК и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений) определяются условия содержания в ШИЗО, которые на практике в ИК-1 не выполняются.^[32] Заключенные там содержатся в бесчеловечных условиях.

«Предметы ограничены следующим списком: рулон туалетной бумаги, зубная паста, зубная щетка, мыло в половинке мыльницы».

«[Освещение] переключается на ночное, но довольно яркое. Весь день там горят, что в ШИЗО, что в ПКТ, светодиодные лампы».

«Нары, отстегивающиеся кнопками на электрозамках, на день пристёгиваются, на ночь отстёгиваются, днем не посидишь, не полежишь. Сидеть можно только за столиком, лавочка сантиметров восемь шириной».

Сотрудники ИК-1 намеренно создают невыносимые условия содержания, особенно в отношении температурного режима; фактически это пытки холодом.

«Если попал в межсезонье, там одежда никакущая, тоненькая, положняковая. Батареи выключены, окна открыты, в камере сквозняк гуляет. И спрятаться некуда, и погреться никак».

«Зимой еще батарея включена, люди греются около нее, но она железная. И я видел ожоги у людей, которые выходили из ШИЗО, кто грелся около батареи и нечаянно там заснул. То есть, у него ожог на полспины, такое мясо запекшееся».

«Есть одиночные камеры, очень холодные в ШИЗО. 13-ю «бодрящей камерой» называют. Она какая-то угловая, и весь ветер идет прямо в эту камеру. Туда

^[32] Подробнее условия содержания в ШИЗО описаны в расследовании об условиях содержания в ИК-17 г. Шклова. (стр. 41–44): https://torturesbelarus2020.org/pytki_ik_17

закрывали двоих-троих людей, она маленькая такая, нигде не походишь, ничем не позанимаешься. Закрывали для того, чтобы просто поморозить».

«Там я узнал, что, если голову обмотать полотенцем, спать гораздо теплее, но это не сильно помогает. Поспать хватает где-то максимум на два часа. При -10, когда нас закрыли, на час хватало. Через час ты просто просыпаешься от холода, даже с завернутой в полотенце головой, и начинаешь ходить, отжиматься, приседать, к батарее садиться. А присел к батарее — тоже можно 10 суток сверху получить».

«Ночь в ШИЗО — самое страшное для любого человека. Потому что днем спать особо не хочется. Но потом хочется и днем спать тоже. Днем хоть тепло. А спать ночью ты не можешь, потому что лежишь и дрожишь, тебя колотит от холода».

«Новый начальник [Машадаев] запретил находиться в помещении ШИЗО и ПКТ в своем термобелье. Это очень серьезный удар».

Опрошенные свидетели указывают на меньшее количество еды, которая дается в ШИЗО.

«Там урезается количество пищи. Не дают положенных два яйца, дают одно яйцо в неделю».

«Любая крошка вожденная, не хватает пищи, потому что человек в состоянии стресса. Нужно постоянно греться, заниматься физической нагрузкой, холод вытаскивает калории из организма».

Несмотря на проведенный ремонт в помещениях ШИЗО, заключенные отмечают, что к улучшению условий содержания это не привело. Сотрудники колонии намеренно создают там бесчеловечные условия содержания и целенаправленно издеваются над заключенными.

«Месяц там находился. Начальник [Пальчик] ко мне ходил и говорил: “Я сделаю так, что у тебя “чердак” поедет. Ты отсюда у меня выйдешь полным дебилом. Ты зашел сюда один, а выйдете втроем: ты, геморрой и шизофрения”».

«Там происходят избиения. Это я тоже могу подтвердить, я это слышал, но не видел своими глазами. Двери закрыты, но было слышно. При мне, когда я сидел на ПКТ, избивались люди. Не только политические, избивались и обычные заключенные. За проступки, за непочтение к администрации».

«Что в ШИЗО, что в ПКТ каждый будний день лили на пол примерно 5–10 литров хлорки, просто пытали по существу».

Содержание в ШИЗО в таких условиях неизбежно влекло негативные последствия для физического и психического здоровья заключенных.

«Оттуда люди вообще худые выходили. Почки на холоде работают быстрее, жидкость быстрее отходит из организма. Человек без жидкости высыхает».

«Очень часто бегаешь в туалет. Начинает что-то в организме происходить, и ты за ночь по пять, по семь, по десять раз бегаешь в туалет. Жидкость выходит. Я за первое ШИЗО похудел на 24 килограмма».

«Новогодний экспресс».

Администрация ИК-1 накануне Нового года намеренно применяет произвольное и массовое водворение заключенных в ШИЗО. При этом не имеет значения, совершал ли заключенный какое-либо нарушение.

«Уплотнить всех ПКТ-шников в одну-две камеры, остальное полностью забить людьми, и тогда будет около 90 человек. Обычно там около 30».

«При Пальчике это было всегда. Мы думали, может все изменится при новом начальнике, но ничего не поменялось, все места на Новый год заняты полностью».

Перевод осужденных в ПКТ

является самым тяжким взысканием и применяется к политическим заключенным довольно часто. Фактически это долговременное содержание в тех же условиях, что и в ШИЗО, с некоторыми послаблениями.

«ПКТ — это тоже самое, что и ШИЗО, но есть розетка, которую включают три раза по полтора-два часа. Ты можешь вечером не на голых нарах спать, а получать матрас с постельным бельем, и можешь два раза в неделю — как правило, один — иметь доступ к своему имуществу. Что-то брать в одном экземпляре, будь то книжка, или тетрадка, или какие-то продукты».

«Все, что ты смог туда принести в сумках, заканчивается очень быстро, и ты остаешься без продуктов, потому что никакие передачи, никакие посылки там не разрешены. Разрешена одна бандероль, раз в полгода на два килограмма. Как правило, людям присылают сигареты. Прогулка положена до двух часов, но она длится 20–30 минут, за редким исключением. Когда холодно или дождь, то могут на 40 минут вывести, чтобы померзнуть».

Часто администрация ИК-1 применяет перевод в ПКТ к политическим заключенным на оставшиеся перед освобождением полгода.

«У меня оставалось полгода до освобождения, и он [Пальчик] перенаправил меня в ПКТ. У меня не было никаких нарушений. Он меня изначально в одиночке продержал, в ПКТ этом меня мучил».

«Есть практика такая — где-то за полгода до освобождения отправлять политического в ПКТ. Начинают катать по 10, 20, 30 [суток в ШИЗО], а после этого решение комиссии — человек отправляется в ПКТ».

Медицинское обслуживание: «Пока можешь передвигать ноги — никакой помощи не получишь»

Бывшие заключенные ИК-1 отмечают, что получить квалифицированную медицинскую помощь в колонии практически невозможно. Заключенных встречает один медработник — фельдшер. Никаких врачей-специалистов, обследований или полноценного лечения нет.

Освобождение от работы по **болезни** не давали, даже когда у заключенного поднималась высокая температура, была сильная простуда или обострение хронической болезни. В медчасти таких людей называли симулянтами.

«После работы на промзоне остается один фельдшер, и ему все по барабану: дал всем ибупрофен от всех болезней — и свободен. Больничные с температурой можно даже не просить — не получишь. Мне, например, ни разу не дали».

Один из опрошенных, политзаключенный с хроническими болезнями, перенес в ИК-1 тяжелую пневмонию, которой заболел от переохлаждения в ШИЗО. Медработники игнорировали жалобы на ухудшающееся состояние здоровья, позволяя болезни развиваться.

«Частая боль в почках, судороги. Лечение никакого — только обезболивающее, если выпросишь. Переболел воспалением легких от переохлаждения».

По рассказам заключенных, фельдшер может неделями не направлять больного к врачу, ограничиваясь обезболивающими и жаропонижающими средствами. Пока заключенный в силах стоять на ногах, его гоняют на работу. Жалобы на боли, судороги и иные симптомы игнорируются. В результате больные не получают лечения, и болезни часто обостряются до состояния госпитализации в медучреждение.

Физические травмы

и увечья в ИК-1 стараются скрыть. Если заключенный получил перелом или серьезную травму, даже после применения пыток, шансы на квалифицированную медпомощь минимальны. Рану перебинтовывают, а заключенного отправляют в барак или в ШИЗО, чтобы никто не видел его состояние. Иногда из-за сокрытия травм и неправильно сросшихся костей у людей происходит заражение. Но даже тогда их не отправляют в медучреждение.

«Ключица у него срослась неправильно — кость упирается в горло, местами уже подгнивает, правая рука частично неработоспособна. Его так заставляли таскать бревна».

В конце апреля 2023 года тяжелые травмы получил политзаключенный Виктор Бабарико. Ночью его тайно вывезли из колонии в городскую больницу Новополоцка. Как выяснилось, у политика были явные следы избиения и диагностирован спонтанный пневмоторакс (проколото легкое). То есть, его избили до пробития легкого — фактически до смертельного состояния — и только тогда отправили в больницу.

Тем не менее администрация заявила, что здоровью Бабарико «ничего не угрожает». Через несколько дней Виктора выписали из больницы и поместили в закрытый карантинный блок (ПКТ) внутри колонии, чтобы скрыть его состояние от других заключенных.

Известен случай, когда одному из заключенных, имевшему серьезные проблемы с позвоночником, был необходим фиксирующий бандаж, чтобы избежать ухудшения состояния. Однако надлежащей помощи он в колонии так и не получил.

«В первый мой поход к неврологу она сказала, что меня ничего не ждет, кроме замены позвонка, очень тяжелой, травмирующей операции. Но потом начмед подделал документы, чтобы просто лишить меня бандажа. Я полуинвалид, а он сделал так, чтобы у меня его не было».

По словам бывшего заключенного, даже если удавалось достать необходимые обезболивающие таблетки через родных, уколы или назначенные врачами процедуры давались не всегда. Администрация

намеренно использовала отказ в медицинской помощи как психологическое давление.

Таким образом, лечение заключенных зависело не от медицинских показаний, а от воли начальника колонии и его сотрудников.

Очки

в ИК-1 под фактическим запретом. Когда сменилось руководство колонии, администрация забрала у всех заключенных справки, которые позволяли носить очки или пользоваться тростью. Без этой справки очки и трости считались «запрещенными предметами».

«У кого были трости — у всех забрали. У кого были очки — тоже. Переполучить справку можно было только через медчасть, а на это уходили месяцы. Людей сажали на промзону без очков, что могло привести к новым травмам».

Фактический запрет на ношение очков заключенными создавал угрозу для их здоровья и жизни: человек не мог выполнять работу или даже просто передвигаться безопасно. Но администрация в лице медперсонала целенаправленно затягивала с выдачей разрешений.

Один заключенный, отбывавший в ИК-1 большой срок, почти полностью ослеп. На жалобы со зрением никто не реагировал — окулиста в колонии не было, очков не выдавали.

«У него начались проблемы со зрением, но медики не оказывали никакой помощи. В итоге к выходу человек практически ослеп. Возможно, если бы его вовремя посмотрел окулист, можно было бы что-то сделать. А так там основной принцип: пока еще ходишь — никакой помощи, скорее всего, не получишь».

Стоматологическая помощь

в ИК-1 также сводится к минимуму. Официально в колонии есть стоматологический кабинет, куда приезжает врач из городской поликлиники. Она может лечить зубы и ставить пломбы. Но администрация жестко ограничивает доступ к лечению.

«Начальник колонии Пальчик Андрей Сергеевич разрешил только один вид стоматологических услуг — удаление. Если у тебя зуб болит — или рвешь, или терпишь. Если просишь полечить — “до свидания”».

Бывшие политзаключенные рассказывают, что иногда врач все-таки ставила пломбу, но это было исключением и шло вразрез с указаниями начальника. Если администрация узнавала об этом, последствия для заключенного были плачевными: его могли наказать, посадить в ШИЗО, лишить передач.

Любая инициатива вылечить зуб вместо удаления воспринимается как нарушение. В результате многие заключенные выходят из ИК-1 с потерей зубов.

«Было такое, что у парня воспалилась десна, вывели его к врачу, заморозка не взяла, и ему полчаса рвали зуб. Он несколько раз терял сознание от боли. Намучался жутко».

Из **лекарств** заключенным выдается в основном только ибупрофен. Перенаселенность в бараках, антисанитария, холод — все это приводит к вспышкам заболеваний, которые тоже остаются без должного внимания медиков.

«В бараке площадью 50 квадратных метров живут по 30–32 человека, что недопустимо с точки зрения эпидемиологической ситуации».

К тому же колония расположена рядом с химическим производством, и заключенные 24 часа в сутки дышат промышленными выбросами. Внутри самой зоны — постоянный смог от химикатов. Эти факторы серьезно влияют на здоровье заключенных. Никаких фильтров и масок им не выдают. Регулярных медосмотров, даже когда люди начинают массово кашлять, не проводится.

В таких условиях легко распространяются инфекции и заразные болезни. Весной 2024 года в ИК-1 началась массовая вспышка чесотки. За несколько

недель заразились десятки (если не сотни) заключенных. Неизвестно, получила ли эта вспышка хоть какое-то лечение — заключенные сообщали родным лишь о том, что многие покрыты сыпью, но никакого карантина в колонии не вводили.

Аналогичные истории случались и ранее.

«Зимой в колонии разразилась эпидемия гриппа, слегли сразу сотни человек. Но тюремная медицина и тогда не отреагировала должным образом — больным сбивали температуру той же порцией ибупрофена и отправляли на развод в общую колонну. Ни изоляции зараженных, ни дезинфекции барачков проведено не было, из-за чего переболели практически все».

Любые просьбы к родным передать витамины или перевязочные материалы пресекаются. Многим политическим запрещают даже получать посылки с лекарствами от родных.

У политического заключенного Константина Прусова, отбывавшего срок в ИК-1, был сахарный диабет I типа. Ежедневно он нуждался в инъекциях инсулина. Несмотря на официальный статус инвалидности, его держали в обычном отряде и на общих работах. Продукты, необходимые диабетiku (специальное питание или замена сахара), ему не предоставляли. Только благодаря передачам с воли и поддержке других заключенных Константин сумел контролировать свой недуг. Однако за три с половиной года он подорвал свое здоровье, и у него начались серьезные осложнения. В частности, появились проблемы с сердцем, сильно упало зрение. Консультаций медиков или необходимых для лечения лекарств в колонии ему не предоставляли.

Смерти в колонии

По словам бывших заключенных, в ИК-1 ежегодно происходят трагедии: кто-то совершает суицид или умирает от болезней, которые не лечились в колонии. Подобные смерти администрация нередко выдает за естественные, но за официальными формулировками часто скрываются вполне конкретные причины и конкретные ответственные люди.

«В колонии каждый год умирают один-два человека. До меня кто-то повесился. Каждый год кто-то либо убивает себя, либо умирает в медчасти».

Систематическое давление администрации в сочетании с отсутствием психологической помощи формирует в колонии условия, при которых случаи суицида становятся частым и закономерным явлением.

«При мне там один человек повесился. Никакой поддержки с воли ему не оказывалось, морально тяжело себя чувствовал. Там есть психолог, но это сотрудник министерства внутренних дел, жена одного из режимников, такая же держи-морда, как и все остальные».

Также в январе 2021 года стало известно о гибели двух осужденных^[33], отбывавших наказание в ИК-1: 25-летнего Андрея Дубика и 27-летнего Алексея Жука. Родные Дубика сообщали^[34], что в колонии на него оказывалось психологическое давление. Его вызывало начальство, убеждая признать вину и требуя прекратить переписку с правозащитниками. Последнее письмо от Андрея пришло 8 января. Вскоре стало известно, что он покончил с собой в карцере.

Отказ в медицинской помощи в ИК-1 нередко становится причиной смертей. Заключенные вспоминают случаи, когда жизни людей можно было спасти, если бы тюремные врачи отреагировали вовремя и ответственно отнеслись к их состоянию здоровья.

^[33] <https://www.svaboda.org/a/32826995.html>

^[34] <https://masheka.by/belnews/7224-v-karcere-ik-1-novopolocka-pokonchil-s-soboj-25-letnij-andrej-dubik.html>

«Ночью один мужчина (лет 45, не политический) почувствовал, что ему плохо с сердцем. В медчасти ему даже давление не измерили, просто дали какие-то таблетки: мол, не надо симулировать. Подъем в шесть утра — он пошел на курилку, закурил и упал замертво. Никто из администрации особенно не переживал: осужденного списать проще, чем служебную собаку».

Один из бывших заключенных рассказывает^[35] о парне, который потерял в колонии свое психическое здоровье. Чтобы не возиться с ним, сотрудники закрывали его в ШИЗО. Он спал на бетонном полу, заболел пневмонией. Его отвезли в районную больницу, но спасти уже не смогли.

В колонии не раз отмечались ситуации, когда издевательства и побои над заключенными завершались их смертью, однако официально такие трагедии представлялись как результат болезни или суицида.

«Там парня избили. Как мне все говорили, его избили до смерти. Но потом его повесили. Сказали, что он повесился. Ему лет 19–20 было».

В колонии лишь изредка признают собственные злоупотребления. Так, в 2023 году капитан ИК-1 Игорь Петров был приговорен к шести годам колонии за превышение полномочий: его признали виновным в жестоком избиении заключенного, едва не приведшем к смерти. Однако этот случай стал, скорее, редким исключением, продиктованным опасением руководства оказаться ответственными, нежели искренней заботой о жизни заключенных.

«Был случай, когда начальник отделения отрядов 1–3 Петров ударил осужденного так, что у него открылось внутреннее кровотечение. Этот осужденный вышел на свободу и написал заявление. На начальника отделения завели уголовное дело. После этого в колонии немного успокоились».

^[35] <https://www.svaboda.org/a/32826995.html>

Сотрудники колонии

«В ИК-1 было больше неадекватных сотрудников, чем, чем адекватных. Адекватных можно было по пальцам пересчитать». (Из показаний бывшего политзаключенного)

Сотрудниками ИК-1 являются все должностные лица, которые проходят службу в исправительном учреждении и подчинены ДИН. Все сотрудники ИК-1 являются либо сотрудниками Министерства внутренних дел, если они проходят службу, либо гражданским персоналом, который обеспечивает деятельности учреждения и его техническое обслуживание (эти сотрудники являются государственными гражданскими служащими). Все сотрудники колонии обязаны строго соблюдать законодательство Республики Беларусь, профессиональную этику, придерживаться моральных и этических норм, соответствующих их должности.

В ИК-1, как и во всех остальных учреждениях ДИН, есть строгая иерархия должностных лиц, основанная на занимаемых должностях и специальных званиях. При ней все нижестоящие сотрудники строго исполняют все приказы и распоряжения администрации колонии.

В ходе настоящего расследования экспертами были зафиксированы массовые случаи совершения преступлений, бесчеловечного поведения, дисциплинарных нарушений, непрофессиональных и аморальных поступков со стороны как администрации колонии, так и обычных служащих.

Начальник колонии и его заместители

Очевидным является факт, что любые действия со стороны сотрудников колонии совершаются либо по прямому приказу администрации, либо с их молчаливого согласия. Именно от администрации исходит основной посыл: создать бесчеловечные, фактически пыточные условия отбывания наказания для всех заключенных, но в особенности для политических.

Начальник колонии (бывший и действующий) как высшее должностное лицо в иерархии несет всю ответственность за пытки и жестокое обращение в колонии. Он также несет ответственность за создание ненадлежащих условий содержания в учреждении.

«Ни один мент никогда не делает по своей воле что-то противозаконное, потому что они боятся друг друга. Это все делается, когда им сказали конкретную вещь. Один и тот же надзиратель в помещении ШИЗО и ПКТ может сегодня бить, а завтра тайком принести таблетки от температуры другим заключенным, просто потому что он видит, что им очень плохо. В одном случае он действует как человек, а во втором — ему так сказали. Это не снимает с него ответственности, но вот такая мораль у них: сегодня бью, завтра помогаю».

Машадиев Руслан Хикметович

ФИО: Машадиев Руслан Хикметович

Должность: начальник Исправительной колонии №1

Дата рождения: 1981-09-26

С мая 2023 года Руслан Машадиев занимает должность начальника колонии №1, ранее он был заместителем начальника в этой же колонии.^[36]

«По сравнению с Пальчиком, конечно, помягче. Он как-то поадекватней. Потому что Пальчик вообще невменяемый отморозок. Он просто кайфовал. Он лично любил избивать людей».

«По сравнению с Пальчиком — повменяемей. Хотя бы избивать эков запретил. Без надобности. Когда уже есть необходимость применять силу, тогда будут. Я уже не слышал таких ситуаций, когда просто так избивают эков на Новополоцке, как при Пальчике».

«При нем морально стало чуточку проще. Но, по факту, ничего не поменялось. Можно вас

^[36] <https://t.me/MAYDAYMog/3262>

отправлять в ШИЗО, а можно отправлять в ШИЗО так, чтобы ты трясся, боялся и чувствовал себя говном постоянно. Вот здесь второе исчезло».

Несмотря на то, что многие опрошенные характеризуют Руслана Машадиева как более «мягкого» начальника по сравнению с Андреем Пальчиком, необходимо отметить, что он также является соучастником преступлений режима по отношению к политическим заключенным. Как высшее должностное лицо администрации колонии, он обязан пресекать любое нарушение закона и должностных обязанностей своих подчиненных, однако фактически он возглавляет эту «машину» репрессий. В отношении Машадиева ряд стран ввел персональные санкции.^[37]

«Если Машадиев прессует, то это просто указание из ДИН. Он сам тоже во всем виноват, соучастник, я его не оправдываю».

«Машадиев пришел на смену [Пальчику]. Поначалу было чуточку лучше. Разрешил носить рубашки на промзоне. Но, с другой стороны, запретил свое нательное в ШИЗО. Я бы сказал, такой же самодур. Но у него нет личного садизма. У него все это больше формальное. Но он еще больший бюрократ, все должно быть по закону, но закон этот какой-то кривой».

^[37] <https://www.opensanctions.org/entities/NK-kfypSheRLHezmy8bLkoGV6>

Пальчик Андрей Сергеевич

ФИО: Пальчик Андрей Сергеевич

Должность: бывший начальник Исправительной колонии №1

Дата рождения: 1981-03-03

Пальчик является одним из самых одиозных сотрудников колонии. Именно с его личностью связывают построение пыточной системы наказаний и жестоких условий содержания заключенных в колонии. На Пальчике лежит такая же ответственность, как и на действующем начальнике колонии. Также в отношении Пальчика ряд стран ввели персональные санкции.^[38]

«Просто в трех словах — он социопат, садист и сумасшедший, ему надо реально лечить голову».

«Здоровенный лысый амбал, качок. Под два метра ростом. Стандартный: представьте себе вертухая-омоновца, который дошел до звания полковника. Робот, бесчувственная машина, абсолютно хладнокровный, жестокий человек».

«Я слышал, что он даже своих работников любил иногда стукнуть».

^[38] <https://t.me/MAYDAYMog/3262>

«Пальчик создавал такие условия, чтобы максимально мучить людей, не только физически. Он и сам избивал заключенных в ШИЗО, любил кулаками помахать. Он мог в холод сказать, что мы еще не перешли на зимнюю одежду, “выходите в летней, стойте под дождем, стойте на морозе”».

Особенностью ситуации с Пальчиком является тот факт, что он сам непосредственно применял насилие, угрожал, унижал заключенных.

«Когда Пальчик был начальником колонии, там постоянно избивали людей в ШИЗО. Пальчика почему и сняли: одна из причин — в ШИЗО человека избили, связки ему порвали. Он вышел и написал заявление на начальника колонии за избиение. Он не был политическим, поэтому, видимо, его заявление приняли».

«Он в лицо сказал начальнику колонии [Пальчику], что тот его не сломает. Пальчик сказал: “Не сломаю? Ну, сейчас посмотрим”. И его взяли, на стол, руки зажали. Начальник колонии лично его избивал, причем до такой степени, что у парня открылось кровотечение из прямой кишки. Очень сильно избит был, а избитых людей не выпускают никуда».

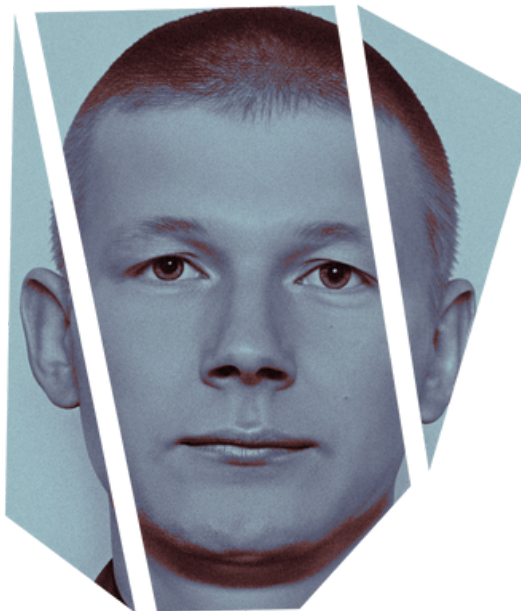
«Он мог матом обложить, просто унижить, сказать: “Ты вообще никто, ты не человек”. Говорит: “Кто ты такой?” Ты ему говоришь, представляешь, осужденный такой-то. Он говорит: “Дальше можешь не представляться, ты — осужденный, ты — прилагательное, ты не человек”.

«Отличался тем, что пенсионерам говорил: “Вы сюда приехали умирать, мне на вас насрать”».

Для самого Пальчика увольнение не стало наказанием: он спокойно получил новую руководящую работу в пенитенциарной системе.

Заместители начальника колонии

Журко Вячеслав Сергеевич

ФИО: Журко Вячеслав Сергеевич

Должность: заместитель начальника по режимной и оперативной работе

Дата рождения: 1986-10-02

Исполнял обязанности начальника колонии в период между Машадиевым и Пальчиком. Он обеспечивает соблюдение режимных требований в колонии и осуществляет общее руководство оперативными работниками. Именно на нем лежит ответственность за ограничение в правах политических заключенных по сравнению с иными осужденными, его подчиненные являются ответственными за систематические беспричинные оформления нарушений в отношении политзаключенных.

«Он нам промывал мозги, чтобы родственники не звонили в колонию, потому что они не могут им отвечать на вопросы, что с нами происходит».

«Там за каждым заключенным, который на профучете, закреплен куратор. У меня был куратор подполковник Журко. Он более-менее вменяемый, очень хитрый человек, он был немного дальновиднее, чем многие из администрации. Я ему сказал: "Вот вы мне запрещайте общаться с

Бабарико — на каком основании?” “Оснований нет, и я тебе не запрещаю, я тебе советую”».

«Он худой, рыжий, высокий, 1,85 м. Он меня тогда в ШИЗО и отправлял. Потому что начальника колонии не было. И еще говорил: “Так может тебя на ПКТ закрыть, а потом на крытую свозить?” Я говорю: “Ну, если есть за что, тогда можете закрыть и свозить на крытую?” Он говорит: “Ну, будем над тобой работать”».

Кривко Владимир Валерьянович

ФИО: Кривко Владимир Валерьянович

Должность: заместитель начальника по воспитательной части

Дата рождения: 1978-08-15

В профессиональные обязанности этого заместителя начальника колонии входит построение системы ресоциализации осужденных, руководство ей, а также организация всех массовых мероприятий в колонии. В реальности он также занимался преследованием политических заключенных, угрожал им, заставлял участвовать в пропагандистских мероприятиях.

«Он сам по себе как двуликий джокер, его не поймешь. Он очень хитрый, как лис. Если в общении с ним ты где-то проявишь слабинку, то все, считай, что ты попался».

«Он тоже очень много навредил людям. Меня уговаривал дать интервью государственному телеканалу, заставил даже писать заявление на имя начальника, что я его давать не буду по семейным обстоятельствам. Потому что не хочу, чтобы моя семья меня видела по телевизору. Он заставлял, меня приводили раз пять, чтобы я дал

интервью, я сказал, что не буду этого делать. Тогда как раз снимали этого Пальчика с должности, поэтому они хотели так отмазаться, показать по телевизору, что в лагере все нормально».

«Он очень-очень опасный для заключенного человек. Он пытался выводить людей на разговор. А потом этих людей, конечно, закрывали в ШИЗО на 30, на 40 суток».

Оперативники

Оперативные сотрудники ИК-1 обязаны проводить в колонии оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление и раскрытие преступлений, поддержание порядка внутри учреждения и профилактику преступлений в будущем со стороны осужденных. Однако вместо исполнения своих обязанностей они участвовали в систематическом преследовании политических заключенных, фальсификации в их отношении нарушений, запугивании и ином бесчеловечном отношении к ним.

ФИО: Смоляков Денис Викторович
Должность: оперативный сотрудник
Дата рождения: 1995-10-28

ФИО: Киселев Александр Владимирович
Должность: оперативный сотрудник
Дата рождения: 1994-08-24

«Смоляков, мелкий, и Киселев, второй. Им сейчас лет 28–30. Опер на то и опер, все понятно. Напрямую от него вреда не видно, но все понимают, что это все из-за него. Они на все влияют, все узнают, но обычно к тебе просто приходят и говорят, что у тебя будет рапорт от “отрядника”».

«Начальник отряда ничего не решает. Все решают оперативные работники. Оперативные, режимные работники — это те люди, которые устанавливают климат в колонии».

«Ефим. Худой, невысокий, 1,70–1,80 м, очень моложаво выглядел. Но вообще без тормозов. Он наказывал людей месячными уборками за то, что они просто были в перчатках. На улице стало холодно, а он прибежал и сказал: “Кто вам сказал перчатки надеть?” Наказал человек десять, кто не успел поснимать перчатки. Потом начал людей в ШИЗО закрывать. На постоянной уже основе. Прибегал, давал нарушения, без остановки».

ДПНК

По законодательству ДПНК играют важную роль в системе внутреннего контроля в колонии, осуществляют надзор за общим порядком, контролируют поведение заключенных, обеспечивают исполнение режима исправительного учреждения. Фактически в ИК-1 ДПНК являются сотрудниками, которые на постоянной основе осуществляют преследование политических заключенных, начиная с написания надуманных рапортов о нарушениях и заканчивая непосредственным применением насилия.

Холмачев Филипп Владимирович

ФИО: Холмачев Филипп Владимирович

Должность: дежурный помощник начальника колонии

Дата рождения: 1993-12-31

Данный сотрудник, по свидетельствам опрошенных политических заключенных, систематически применял пытки к осужденным, за что и был повышен в звании досрочно.

«Филипп, большой такой, в большей мере отвечал, как я понял, за ШИЗО: если надо было кого-то

прессануть, они там прессовали. Поэтому он, такой молодой, и выбился в майоры; майором он был, когда я освобождался».

«Он [Холмачев] в ШИЗО избивал людей».

«Были слышны крики. Почему я знал, что это он, — потому что человек кричал: «Прекратите, Филипп Владимирович, прекратите, вы что, не видите, что мне больно». Видимо, не он один, кто-то держал заключенного. Они практикуют так: наклоняют животом на металлический стол, руки вниз. За руки держат, и начинаются избиения резиновой дубинкой по почкам, по ягодицам, потому что это очень болезненно. Его избили, и после этого он замолчал где-то сутки. Мы даже начали переживать за него. Потом он начал просить врача, и уже было слышно, что он там в плохом физическом состоянии».

Озимук Виктор Васильевич

ФИО: Озимук Виктор Васильевич

Должность: дежурный помощник начальника колонии

Дата рождения: 1982-03-11

Виктор Озимук систематически привлекает политических заключенных к дисциплинарной ответственности путем составления фиктивных рапортов о нарушениях. Кроме того, имеются свидетельства о том, что он лично создает невыносимые условия содержания в колонии.

«Он [Озимук] заставлял во время дождя и лужи убирать, и мусор носить».

«Во время смены Озимука постоянно были долгие проверки. Постоянно мерзли, мокли. Очень много давал нарушений ребятам, по камерам “отстреливал” и давал наказание. Кто-то пуговицу не застегнул, либо кто-то что-то лишнее надел...»

«Он заходит с ключами, открывает окно и говорит: “Что-то у тебя тут жарко”. Открыл окно, говорит: “Ну, держись”. И вышел. Ночью я вообще не спал. Там сидеть в принципе невозможно, все холодное. Выдают робу эту, “стекляшку”, — когда на что-то садишься, тебя сразу начинает колотить еще больше».

«Отрядники»

«Отрядниками» являются офицеры, сотрудники ДИН, на которых возложены обязанности по исправлению осуждённых и контролю над ними непосредственно в отряде. Фактически они являются инструментом репрессий в отношении политических заключенных.

«Когда я пришел в отряд, началась беседа с начальником отряда. Заключенных ломали на признание вины: у них признание — это исправление, такая вот парадигма. Эти разговоры сводятся к тому, что надо погасить иски, надо погасить вещевую задолженность, надо помогать колонии финансово. Заставлять своих родственников оказывать материальную помощь, тогда нам это зачтется».

«Обычно это лейтенант, максимум капитан. Можно сказать, что он замешан абсолютно во всех рапортах, он их оформляет. Фактически все начальники отрядов помазаны нарушениями, они их согласовывают. Все, что вне промзоны, — все на них».

Зиневич Сергей Геннадьевич

ФИО: Зиневич Сергей Геннадьевич

Должность: начальник отделения воспитательной работы

Дата рождения: 1984-02-08

Данный сотрудник намеренно унижает и провоцирует заключенных.

«Зиневич, был у нас такой майор, — он целенаправленно на меня давил. Он был начальником нашего отделения. Приходит на “промку”, я иду мимо него и знаю, что надо поздороваться. Я, конечно, здороваюсь: “Здравствуйте, гражданин начальник!” А он поворачивается и говорит: “Что-то ты не поздоровался”. “Как это я не поздоровался? Я поздоровался. Тут люди были, слышали”. “Со мной надо не так здороваться, мне надо в пояс мкланяться”. Это унижение человека, им это доставляет радость. Он хотел меня спровоцировать, а я просто ничего не хотел говорить».

Петров Игорь Александрович

ФИО: Петров Игорь Александрович

Должность: начальник отделения

Дата рождения: 1990-04-27

Данный сотрудник, по свидетельствам опрошенных, не проявлял особого рвения в репрессиях в отношении политических заключенных, но тем не менее в них участвовал. Интерес представляет привлечение Игоря Петрова к уголовной ответственности за превышение служебных полномочий по ст. 426 УК Республики Беларусь.^[39] Свидетели указывают, что к этому привел типичный случай избиения в ИК-1.

«Он перестал выходить на службу, а потом мы узнали, что он арестован. На зону несколько раз приезжала следственная группа, опечатали его кабинет, выносили содержимое сейфа. Не политический заключенный сделал [что-то], его наказали, и Петров его несколько раз ударил. У того остались следы. Петров забыл посмотреть на бирку, и оказалось, что человек выходит через пару дней. Он вышел, снял побои и написал заявление в Службу безопасности ДИН».

^[39] <https://spring96.org/ru/news/113130>

Иные сотрудники колонии

В этом разделе мы объединили всех остальных сотрудников ИК-1, которые широкомасштабно осуществляют репрессии в отношении как политических, так и обычных заключенных.

«[О сотрудниках, причастных к избиениям]
Молодые парни, по 22–23 года. Здоровые. Один такой, Андреем зовут, высокого роста, где-то 1,96–1,97 м, килограмм 100 веса».

«Специфическая колония сама по себе. Сотрудники — один хуже другого. Адекватные были, припоминаю троих-четверых, но все равно это менты. Каждый со своими жесткими прибабахами, и ничего с этим не сделаешь».

Зеленковский Николай Александрович

ФИО: Зеленковский Николай Александрович

Должность: сотрудник режимного отдела

Дата рождения: 1988-09-19

«Знаете, почему ему дали кличку “Параша”? Потому что он, чтобы тебя закрыть, и в какахи полезет ковыряться».

«Вечно улыбающийся, как будто ищет жертву. Такая улыбка сумасшедшего человека, улыбка лиса. За его смену люди стабильно получали по 20 нарушений. Если от 10 до 20 не даст, то зря пришел на работу. Из этих 20 потом человек 16 отправляли в ШИЗО. И так каждую смену».

«Он с особой ненавистью относился к политическим заключенным. Для него разные издевательства [привычны], вообще над заключенными, но над политическими особенно. Он постоянно давал наказания, подговаривал обычных зэков, чтобы они подставляли других заключенных».

«Ребята на ПКТ из-за этого человека недополучали еды, просто потому что он так хотел».

«Если он на промзону приходил, то это потому, что он уже шел кого-то наказывать: кого поймает, того и накажет. Просто местный садист».

«Зеленковский Николай ненавидел политзаключенных. Он вел себя как сумасшедший. Очень многим здоровье подорвал. Он либо выслуживается, либо реально больной на голову».

Отдельно отметим сотрудников медицинской части колонии, которые не только не оказывают медицинскую помощь надлежащим образом, но еще и выполняют заведомо преступные приказы администрации колонии. Кроме того, часть сотрудников непосредственно участвовала в составлении фиктивных рапортов за совершение осужденными «нарушений».

«Когда начальником колонии был Пальчик, было понятно, что решение, лечить или не лечить, принимает не доктор. Он смотрит на начальника колонии — махнет тот головой или не махнет».

«В медчасти была начальница Наталья Николаевна. От нее шла вся эта грязь. Потому что терапевты не хотели принимать, не хотели работать. Она не хотела выписывать разные разрешения. Если человек сказал ей что-то не так, что-то, что ей не понравилось, она пишет рапорт, и потом человека отправляют в ШИЗО».

«Из-за нее не было возможности получить какое-либо нормальное лечение. Если она не могла поставить диагноз, она кричала: “Симулянт”, — и больного человека везли сразу на наказание».

«Если не знают, что с тобой, чем ты болен, если не могут поставить диагноз, то они тебя отправляют в ШИЗО».

Чумаков Юрий Анатольевич

ФИО: Чумаков Юрий Анатольевич

Должность: психолог

Дата рождения: 1979-12-29

Психолог ИК-1 Юрий Чумаков не выполняет свои обязанности, провоцирует политических заключенных, угрожает немотивированным водворением в ШИЗО.

«Он [Чумаков] как потерянный. Он не понимал, что происходит вокруг. Мог доколотаться до мелочей. Он забрал у меня очки».

«Он тоже людей на разговор выводил, и потом люди уезжали в ШИЗО. Бывало, на лекции где-нибудь вывели человека. “Да говори, я же психолог. Это же нормальная тема, можем ее пообсуждать”. Человек свое мнение скажет. Он такой: “А, ты так думаешь? Ну, съезди на двадцатку в ШИЗО”».

Выводы

После 2020 года Новополоцкая колония пополнилась новой волной политических заключенных, что повлекло ухудшение условий содержания.

По сообщениям бывших заключенных, ИК-1 как исправительное учреждение усиленного режима отличается от других колоний страны особо жестоким отношением со стороны администрации (подбор сотрудников, их обучение, стиль руководства), созданием бесчеловечных условий пребывания в ШИЗО и ПКТ, психологическим и физическим насилием в отношении заключенных. Все эти факторы напрямую связаны с политической обстановкой в стране и установками Департамента исполнения наказаний и высшего руководства страны.

ИК-1 характеризуется жестким режимом с существенными ограничениями личного пространства. Повышенная плотность размещения, частые проверки, а также ограниченный доступ к гигиеническим процедурам и бытовым услугам создают крайне тяжелые условия. Питание недостаточно сбалансировано и не соответствует элементарным требованиям качества, что отрицательно сказывается на здоровье заключенных.

В ИК-1 права заключенных на посылки, свидания, переписку, телефонные звонки и доступ к адвокату систематически ограничиваются и произвольно нарушаются. Администрация использует лишение этих прав как инструмент давления, часто под надуманными предлогами, особенно в отношении политических заключенных.

Организация труда в колонии носит принудительный и дискриминационный характер, особенно в отношении политических заключенных, которых систематически направляют на наиболее тяжелые, вредные и опасные работы при отсутствии надлежащих условий охраны труда, средств индивидуальной защиты и рабочей одежды. Рабочие нормы и графики применяются в совокупности с дополнительными внеплановыми заданиями, включая работы в выходные и ночное время, что лишает заключенных необходимого отдыха и свободного времени. Вознаграждение за труд является несоразмерно низким и зачастую носит фиктивный характер. Работа за такую оплату фактически является рабским трудом. Отказ от выполнения работ или несоблюдение норм квалифицируется как нарушение режима и сопровождается дисциплинарными взысканиями, включая помещение в ШИЗО. Совокупность этих факторов свидетельствует о злостных нарушениях норм охраны труда, а также об использовании трудового процесса как

инструмента репрессий и давления.

В ИК-1 наблюдаются системные проблемы, связанные с обеспечением безопасности здоровья заключенных и надлежащего медицинского ухода за ними. По рассказам бывших заключенных, полноценное медицинское обслуживание в колонии не осуществляется. Более того, отказ в медпомощи используется как элемент давления и пытки. Таким образом, право на охрану здоровья для заключенных фактически отсутствует, что грубо нарушает как национальные законы, так и базовые принципы прав человека.

В связи с психологическим и физическим давлением зафиксированы случаи суицидов, в том числе в ШИЗО и на промзоне, а также смерти, вызванные насилием и пренебрежением к состоянию здоровья заключенных.

Бывшие заключенные подтверждают тот факт, что в ИК-1 разработана и действует жесткая система давления на политзаключенных и издевательств над ними. Для этого используют всевозможные способы, такие как жестокие условия содержания, тяжелая физическая работа, неоднократное помещение в ШИЗО / ПКТ, а затем перевод в «крытую» тюрьму. Зафиксирован случай, когда один из заключенных отбывал в ШИЗО 100 суток из полутора лет пребывания в колонии.

Особую озабоченность вызывает отношение руководства колонии к Виктору Бабарико, Анджею Почобуту и другим политзаключенным, которые вынуждены большую часть времени проводить в ШИЗО или ПКТ под жестким контролем, в тяжелых условиях и полной изоляции от общества.

Сотрудники колонии, с одной стороны, используют разветвленную систему доносительства и провокаций, осуществляемых заключенными, с другой — именно они составляют фиктивные рапорты о нарушениях, лжесвидетельствуют, применяют физическое и психологическое насилие к заключенным. Во многом такое поведение сотрудников обусловлено иерархической системой подчинения высшим должностным лицам колонии, которые не только непосредственно стоят за пытками и иным жестоким обращением с заключенными, но и создают условия безнаказанности за любые преступные действия в отношении «политических». Существование такой жесткой системы подчинения в ИК-1 не освобождает от ответственности рядовых сотрудников. Представляется, что фактически преступные действия сотрудников колонии подлежат квалификации не только по уголовному закону Беларуси, но и по нормам международного права.